

ЖИЗНЬ

№ 35. Выходит еженед. (вс. №№ в год), с прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА, 12 кн. Литерат. ж. полуп.-научн. прил., 2 полныя специальные карты театра военных действий, 12 №№ „Новейших модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выходит 27 августа 1916 г. Подписная цена съ дост. и перес. на год—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цена этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Волны атаки.

(Съ рис. на стр. 582—583).

Война—громкое море. У нея свои приливы и отливы, свои бури и затишья. Она заливаает своимъ кровавымъ и огненнымъ прибоемъ землю въ часы урагана, а въ дни отдыха глухо рокочетъ ее мертвая зыбь. И какъ нахлынувшее море ломаетъ плотины и обезображиваетъ лицо земли, такъ и море войны губитъ и разрушаетъ землю и людскою многолѣтнимъ трудъ. Но тѣ, кто ведутъ войну за правое дѣло, вѣрятъ и надѣются, что разбушевавшееся море выкинетъ изъ своихъ пѣдуръ великую драгоценность для человечества: жемчуга мира и справедливости, похищенные разбойниками и брошенные въ глубины ненависти, пламени и смерти. Ради этого дара морского и бьются люди и тонуть въ волнахъ великаго моря войны.

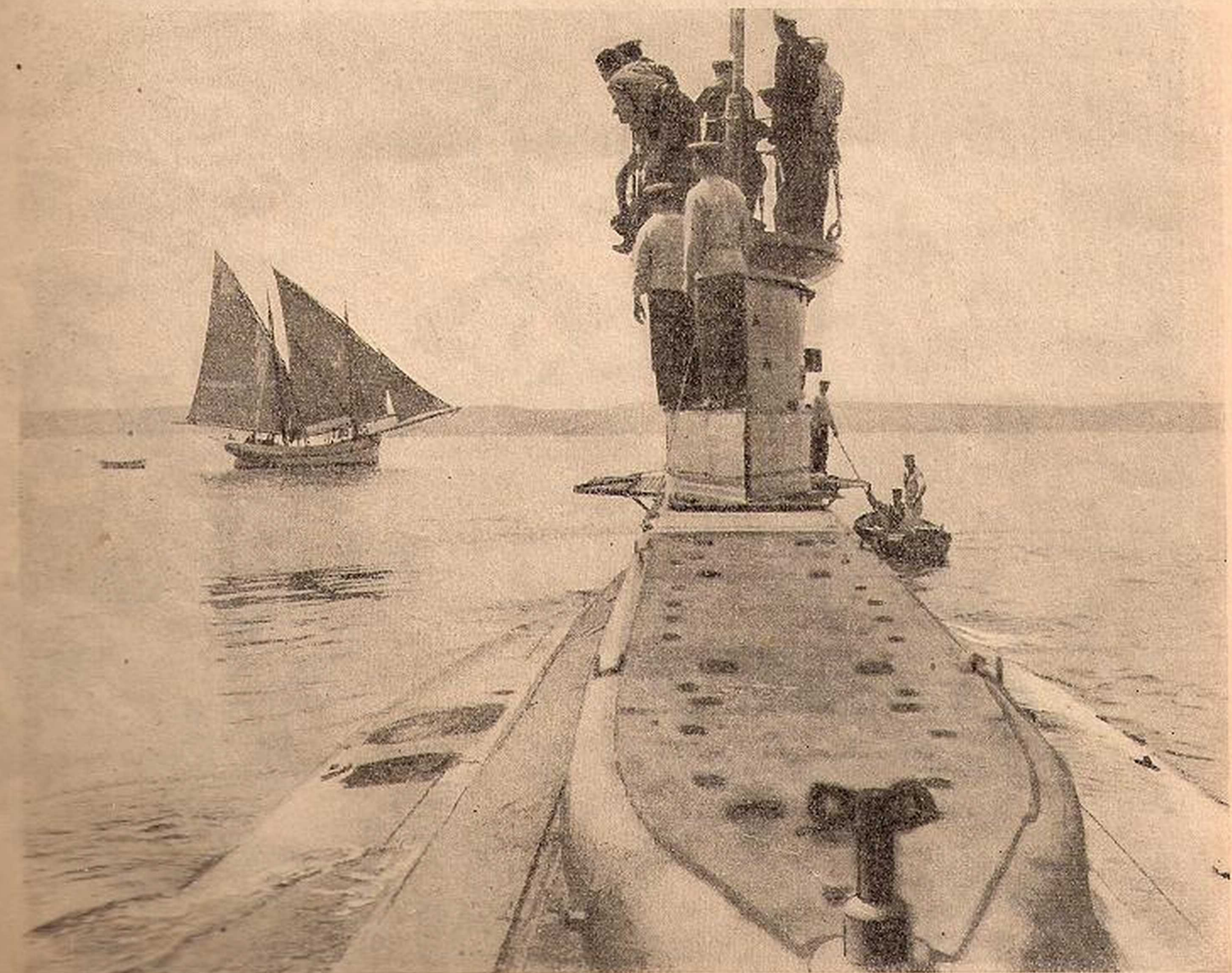
Итъ ничего ужаснѣе этихъ кровавыхъ волнъ, когда онѣ нахлываются на земныя твердыни. Волны людей несутся сквозь пламень и вихрь навстрѣчу другому вихрю—огню и смерти.

Кровавой пѣной брызжутъ онѣ и падаютъ безмолвно и неподвижно на землю, а слѣдомъ за ними несутся новыя волны, и вѣтъ имъ конца, пока не стихнетъ ураганъ наступленія.

Такъ было у Ипра, въ Шампани, у Суассона, на Марнѣ. Такъ было у Вердена и, вѣроятно, такъ будетъ еще долго у Вердена. Такъ было у насъ, на Двинѣ и въ другихъ мѣстахъ. Волны атаки бьются го здѣсь, то тамъ, всюду, гдѣ кипитъ и плещетъ смертью и разрушеніемъ море войны.

И, какъ призракъ, какъ видѣніе грядущаго, по бурному морю плыветъ сверкающій корабль победы. И, вмѣстѣ съ отхлынувшими и разбившимися волнами, медленно уходитъ отъ него въ забвеніе и смерть мрачный силуэтъ другого корабля съ черными безпомощно греющимися парусами.

Это—разбойничій корабль. Это—корабль тѣхъ, кто отняли у человечества драгоценный жемчугъ и бросить его въ кровавое море.

Другъ или врагъ?

Царевы дѣти.

Рассказъ Вадима Бѣлова.

I.

Плотный, высокій майоръ съ маленькими, старательно подкрученными, свѣтлыми усами поставилъ рюмку на столъ и тономъ чловѣка, рѣшившаго наконецъ прекратить безполезные и безцѣльные споры, произнесъ:

— Нѣтъ, господа, убитые, раненые, изувѣченные, пропавшіе безъ вѣсти солдаты. — все, конечно, очень тяжелыя потери для арміи, но все же онѣ ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ нравственнымъ, — замѣйте, я говорю — нравственнымъ!.. — урономъ, который наноситъ войскамъ каждый добровольно или даже хотя бы и не добровольно, но сдавшійся въ плѣнъ солдатъ...

Въ невысокой, довольно тѣсной землянкѣ съ сѣрыми бетон-

другомъ. Вотъ что!.. Плѣнные, это — позоръ для арміи... Плѣнныхъ не должно быть, каждый солдатъ имѣетъ оружье всегда, а значитъ, всегда имѣетъ возможность покончить съ собой въ случаѣ, если ему будетъ угрожать плѣнъ!.. Ну, а если онъ не воспользуется этой возможностью, — съ нимъ надо поступать, какъ съ государственными преступниками!..

— Bravo, bravo, Оберкирхъ! — воскликнулъ въ восторгъ майоръ. — изъ васъ выйдетъ браваый офицеръ, клянусь честью. — Эй, Грумке, еще вина по этому случаю!.. И такъ, — никакихъ плѣнныхъ, лейтенантъ, не правда ли?.. Пусть негодяи-австрийцы сдаются батальонами, но мы, германскіе солдаты, будемъ всегда вѣрны нашей присягѣ!.. Лучше смерть, чѣмъ плѣнъ!..

Всѣ взяли за бокалы. Грумке суетился, разставляя новыя бутылки и раскрывая коробки съ сигарами. Господа офицеры такъ шумѣли, что у него звенѣло въ ушахъ и отъ дыма першило въ горлѣ.

— Господа! — говорилъ между тѣмъ майоръ, высоко поднявъ бокалъ, — господа, я такъ радъ, что здѣсь, изъ устъ самаго младшаго изъ насъ, я услышалъ эти прекрасныя слова, этотъ гордый лозунгъ германской арміи: „Никакихъ плѣнныхъ!“ Плѣнныхъ не брать и самимъ не сдаваться!.. Лучше смерть!.. Выньте же, господа, за самаго младшаго нашего товарища лейтенанта Оберкирха, а въ лицѣ его и за все молодое поколѣніе новыхъ офицеровъ, вносящихъ въ армію старый твердый духъ доблести и самоотверженія!.. Ночъ!..

Всѣ закричали такъ громко, что, только благодаря бетоннымъ стѣнкамъ землянки, ихъ голоса не услышали въ русскіхъ окопахъ, но Грумке все же поспѣшно затворилъ дверь и, усаживаясь на свой „дежурный табуретъ“ у входа, съ досадою подумалъ:

„И чего только кричать, чего кричать, не понимаю!.. Лучше бы жалованье заплатили, право!.. Да и этотъ Оберкирхъ тоже, чего онъ тутъ разглагольствуетъ!.. Самъ еще и въ бояхъ-то не былъ,“

молоко на губахъ не обсохло, а туда же „въ плѣнъ не сдаваться. — лучше смерть!“

Доблестный Грумке былъ видимо очень не прочь очутиться въ плѣну и отдохнуть наконецъ отъ вѣчной ругани своего барина, сигарнаго дыма и шума его гостей, но по роду своей службы — увы! — долженъ былъ состоять при особѣ майора, который былъ, кажется, насчетъ русскаго плѣна пока иного мнѣнія.

II.

Возвращаясь домой, вѣришь, въ свою землянку, въ сопровожденіи денщика, почтительно поддерживавшаго его подъ руку, лейтенантъ Оберкирхъ былъ искренно убѣжденъ въ томъ, что говорилъ онъ искренно, что поступитъ онъ именно такъ, какъ сказалъ, что, хотя до сегодня онъ ничѣмъ еще себя не зарекомендовалъ, но послѣ его горячей сегодняшней рѣчи онъ сталъ въ глазахъ всѣхъ чѣмъ-то въ родѣ героя!..

И, шагая по узкому забетоненному глубокому ходу сообщенія, покачиваясь и опираясь тяжело на плечо своего слуги, Оберкирхъ мысленно повторялъ всю свою рѣчь и старался не думать о томъ, что слова эти и высказанные имъ взгляды принадлежали вовсе не ему, а онъ только повторялъ ихъ, какъ поучай. Ночь была теплая, лѣтняя. Луна только-что скрылась за облаками, и теперь безшумно прорѣзывали темный пологъ неба только зеленатая зѣба ракетъ, взлетавшихъ то съ той, то съ другой стороны и разсыпавшихся серебрянымъ дождемъ.

Перестрѣлки почти не было. Рѣдко-рѣдко гдѣ хлопалъ одинокій ружейный выстрѣлъ, да и то въ хлопаніи этомъ не было ровно ничего воинственнаго и заставляющаго вспомнить тутъ-же о крови и смерти.

Командующій арміей генералъ Радко-Дмитріевъ и представитель англійской военной миссіи майоръ И. А. Торнхиль въ гостяхъ у латышскихъ стрѣлковъ.

ными стѣнами и такимъ же потолкомъ было душно и сильно накурено, — денщикъ Грумке поминутно открывалъ дверь въ длинный, темный и сырой коридоръ хода сообщенія, чтобы устроить вентиляцію, но это мало помогало. Всѣ шесть офицеровъ, собравшихся вокругъ стола, усердно дымили сигарами, и сквозь голубыя облака дыма съ трудомъ различались даже ихъ лица.

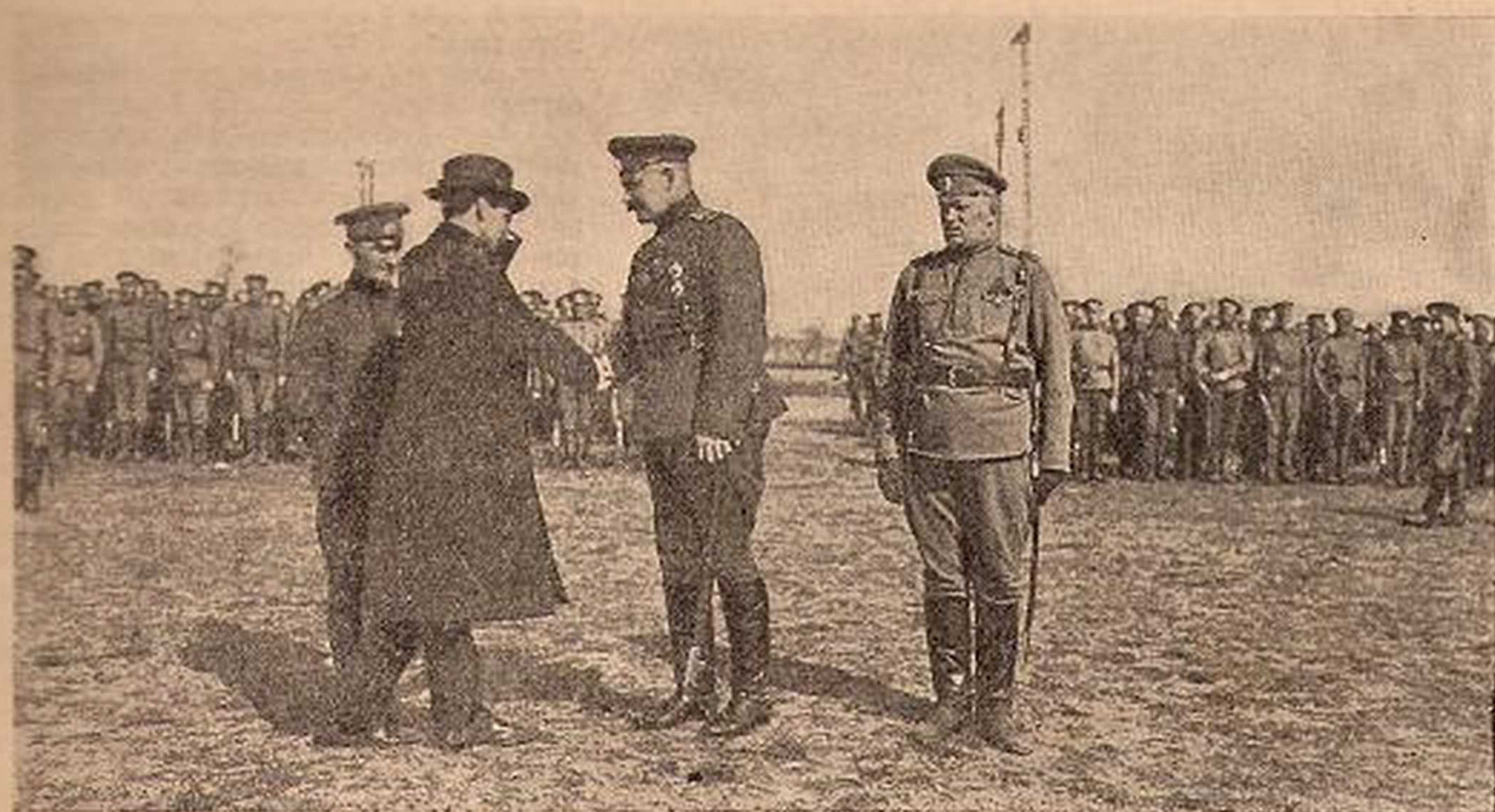
Послѣ словъ майора всѣ снова заговорили еще горячѣе и оживленнѣе, выстрѣливая другъ въ друга поминутно синими клубами сигарнаго дыма.

— Я, — кричалъ лейтенантъ Оберкирхъ, — я нахожу, что майоръ совершенно правъ, — нѣтъ большаго позора, нѣтъ большаго вреда для родной арміи, какъ примѣръ хотя бы одного чловѣка, сдавшагося въ плѣнъ. Вотъ сейчасъ оберъ-лейтенантъ Цолль сказалъ, — если я правильно понялъ, — что лучше имѣть въ плѣну полъ-арміи, чѣмъ имѣть тѣ же полъ-арміи убитыми!.. Не такъ ли, господинъ оберъ-лейтенантъ?.. А я нахожу, что совсѣмъ не такъ, ибо разъ солдатъ былъ способенъ оказаться въ плѣну, то значитъ, онъ, какъ солдатъ, уже ни на что не годенъ!.. И, ей-Богу, пріятнѣе видѣть такого труномъ!..

— Но позвольте!.. — попробовалъ оправдаться оберъ-лейтенантъ, — если онъ не годенъ, какъ солдатъ, онъ можетъ быть все же послѣ войны годенъ и полезенъ странѣ, какъ гражданинъ, тогда какъ трусъ!..

Но Цоллю не дали договорить!.. Закричали всѣ сразу, и опять громче всѣхъ лейтенантъ Оберкирхъ.

— Очень жаль, очень жаль, господинъ оберъ-лейтенантъ, что вы такъ разужаете!.. А мы, кажется, всѣ думали иначе!.. Къ чорту гуманность, къ чорту забота о томъ, что будетъ послѣ войны!.. Пока война, — надо думать только о побѣдѣ и ни о чемъ

Среди латышских стрѣлковъ. Организаторъ и идейный вожь славныхъ латышскихъ стрѣлковыхъ батальоновъ, членъ Государственной Думы Я. Ю. Гольдманъ.

Словомъ, лейтенантъ Оберкирхъ чувствовать себя сейчасъ такъ же хорошо, весело и безопасно, какъ тамъ, въ Берлинѣ, возвращаясь изъ офицерскаго клуба домой послѣ товарищеской попойки, во время которой ему удалось очень позабавить всѣхъ и заслужить общее одобреніе передачей слышаннаго гдѣ-то отъ кого-то анекдота.

Въ землянкѣ лейтенанта было темно, но бравый Фрицъ, прислонивъ на минутку своего барина къ стѣнѣ, зажегъ свѣчу и усадилъ Оберкирха на постель.

Пока онъ стаскивалъ съ его ногъ высокіе сапоги и разстегивалъ куртку, лейтенантъ думалъ, и мысль его кружилась все вокругъ одного предмета:

„Да, теперь я у майора совсѣмъ на другомъ счету... да и у офицеровъ тоже... Какъ хорошо, что разговоръ этотъ зашелъ именно у него, у старшаго въ чинѣ, и я могъ высказать свое мнѣніе... А потомъ, какъ онъ это ловко провозгласилъ: „За нашего младшаго товарища... внесшаго старый духъ доблести и самоотверженья!“ Здорово... Ха-ха-ха!.. Ай да Оберкирхъ!.. А Подъ-то какъ съѣлъ въ калашу!.. Не зналъ даже, какъ вывернуться, что сказать, когда всѣ закричали „Нощ!“ Тоже, либераль... Просто — дуракъ!.. А мое-то дѣло въ шляпѣ. Теперь майоръ отъ меня безъ ума... Напрасно тетушка беспокоилась“...

— Господинъ лейтенантъ, можно гасить свѣтъ? — спросилъ Фрицъ, прервавъ нить его воспоминаній.

— Гаси! — сердито откликнулся лейтенантъ и, когда землянка погрузилась въ темноту, пытался опять поймать утраченную нить мыслей.

„О чемъ это я думать?... Ахъ да... тетушка... славная старушка“...

И Оберкирхъ живо представилъ себѣ лицо тетушки фонъ-Безелусъ, въ черной накидкѣ, съ тремя подбородками, постоянно хлопотавшей за кого-нибудь и въ особенности за него, Ганса Оберкирха.

Только благодаря ей онъ попалъ въ училища не прямо на фронтъ, а сперва въ запасный полкъ, гдѣ, благодаря хлопотамъ все той же тетушки, его держали такъ долго, какъ только было возможно, и лишь послѣ производства въ лейтенанты, къ

ронѣ майора, доблесть германскихъ офицеровъ и тетушку съ тремя подбородками.

Заснулъ Оберкирхъ поздно, и приснился ему странный сонъ, будто бѣжить онъ по горѣ внизъ и кричать: „плѣнныхъ не брать, — въ плѣтъ не сдаваться, лучше — смерть!“ А навстрѣчу ему идутъ, стѣной надвигаются русскіе солдаты въ сѣрыхъ рубахахъ, огромные, бородастые и, приблизившись къ нему, съ крикомъ „ура“ бросаются на него... Потомъ вдругъ русскіе солдаты исчезаютъ, и видитъ Оберкирхъ Лудди, прелестную, сіяющую, съ поднятымъ бокаломъ, кричащую ему „Нощ!“ вмѣстѣ съ майоромъ и командиромъ полка.

III.

Чай закипѣлъ.

Рыжий, немолодой солдатъ, со страннымъ лицомъ, опухшимъ, огненной рѣдкой бороденкой, прервалъ свой рассказъ и началъ осторожно снимать съ перекладки висящія надъ костромъ, закованные, совсѣмъ черные, котелки.

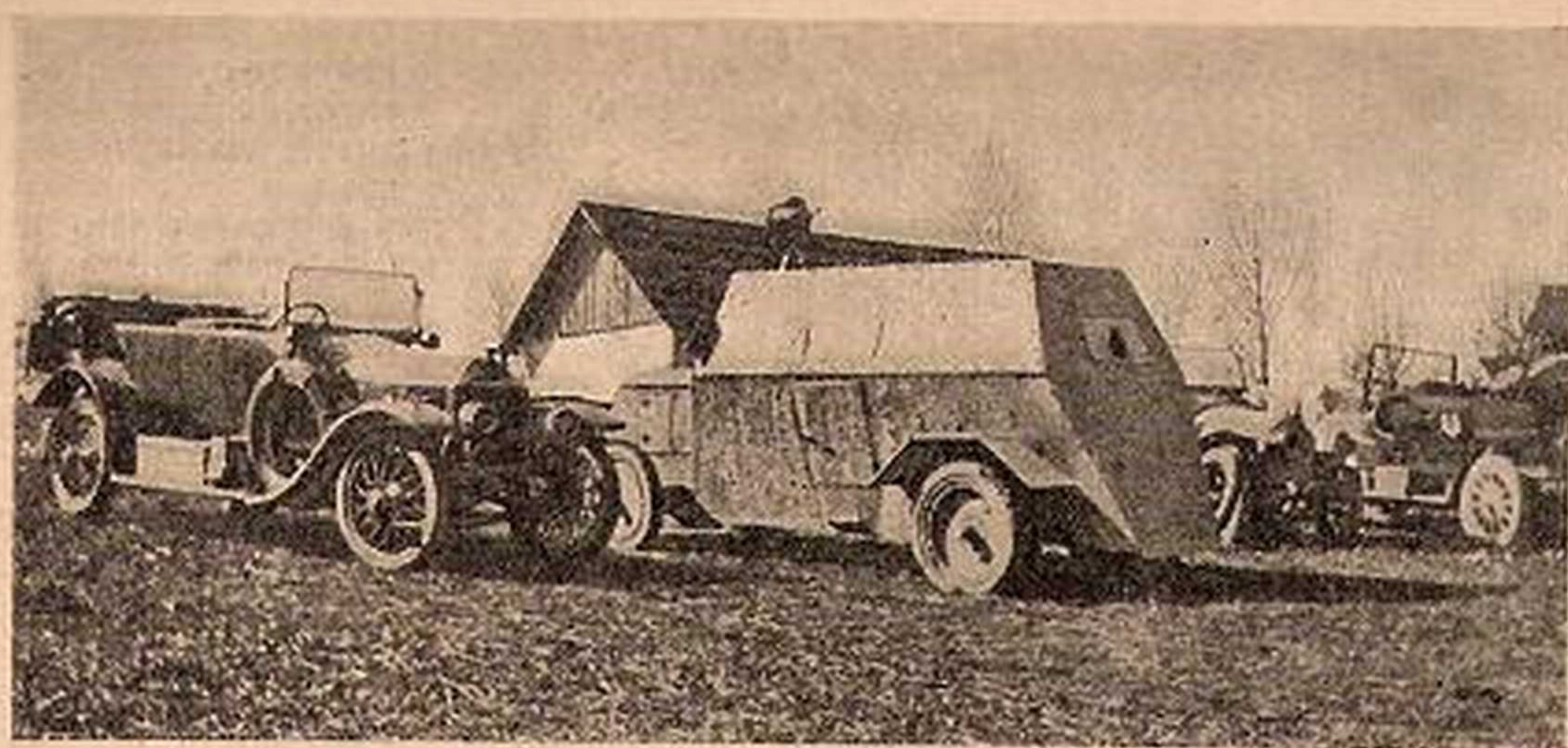

Доблестные латышскіе стрѣлковые батальоны передъ боемъ.

великому огорченію тетушки, дядюшки, племянницъ и самого Оберкирха, ему пришлось покинуть тыловую должность.

„Впрочемъ, это ничего, — размышлялъ лейтенантъ, переворачиваясь на другой бокъ, — хорошо, что я запомнилъ дядюшкины слова и во-время пустилъ ихъ въ ходъ... Теперь майоръ будетъ обо мнѣ наилучшаго мнѣнія... Да, да, Оберкирхъ, вы идете въ гору... Смотрите, не дослужитесь случайно до капитана, а то не миновать вамъ золотыхъ узъ съ фрейлейнъ Лудди“...

И при воспоминаніи о Лудди или прощѣ — своей кузинѣ Луизѣ, юноша сладко, истомно потянулся въ постели, и съ этого момента мысли молодого лейтенанта приняли иное направленіе, оставляя въ сто-

Бронированный автомобиль кавказской туземной дивизии.

Землянка, или, вѣрнѣе, просто нора, вырытая прямо въ землѣ, была низкая, печки въ ней не устроили за неизбѣимъ поблизости кирпича, а дымъ отъ костра, разложеннаго посрединѣ, шелъ черезъ отверстие, прорытое въ потолокъ.

Здѣсь свѣчу или фонарь замѣняли тотъ же костеръ: онъ бросалъ красноватые дрожащіе блики на фигуры сидящихъ вокругъ людей, и въ фантастическихъ отблескахъ пламени лица солдатъ казались строже, загадочнѣе, а взглядъ глазъ глубже и рѣшительнѣе.

Изъ матерчатыхъ зѣлочковъ достали сахаръ, кто-то наскребъ въ котелки плиточнаго чаю, и нѣсколько минутъ было слышно только, какъ прихлебывали солдаты горячей чай, да вѣтеръ шевелилъ складками намоченной отъ дождя палаточной полы, которой былъ завѣшенъ входъ.

Потомъ рыжій продолжалъ:

— Вотъ я и говорю,—жилъ былъ царь нѣкій въ далекой сторонѣ, а гдѣ сторона та,—этого ни я ни кто другой не знаетъ и сказать не можетъ... А у царя у этого было три сына, всѣ три—молодець къ молодцу, росту—во какого, ума, можно сказать, преразмѣчательнаго, и любилъ ихъ царь одинаково, но ни того ни другого впередъ выставлять не помышлялъ...—Рыжій положилъ въ ротъ кусокъ сахару, громко раскололъ его крѣпкими, блестящими зубами и, потянувъ изъ котелка, поелъ минутной паузы, продолжалъ:—Такъ, братцы мои, жилъ, значить, царь тотъ со своими сыновьями да добра наживалъ, какъ говорится... Все ладно шло, только началъ царь что-то послѣднее время задумываться... Сидитъ ли за столомъ, возьметъ да и задумается... Или, тамъ, на прогулкѣ,—забредетъ въ чащу, сядетъ на пенекъ и опять думаетъ... А сыновья-то, значить, начали замѣчать, что со старикомъ что-то неладное... Чтѣ и отчего—не знаютъ, однако рѣшили разспросить его... Пошелъ старшій сынъ въ царевъ покой и говорить отцу:

— Дозволь, говоритъ, батюшка, слово молвить... Очень мы съ братьями заекучили, потому видимъ, что у тебя на душѣ что-то есть неладное... Очень мы тебя съ братьями любимъ и почитаемъ и просимъ: скажи царское слово, чтѣ за бѣда случилась, и почему ты, батюшка, самъ не свой... Скажи,—можетъ-быть, мы чтѣ и поможемъ, а нѣтъ—такъ вмѣстѣ обмозгуемъ...
— Царь, значить, улыбнулся себѣ въ бороду и отвѣчаетъ...

— Эй, кто тамъ есть!...—раздался въ эту минуту голосъ снаружи,—посылай взводнаго къ фельдфебелю!

Рыжій солдатъ умолкъ, ожидая.

— Выходи Фетюховъ, что ли... Не задерживай,—торопили взводнаго слушатели.

— Ишь, чортъ, рогатый,—проворчалъ унтеръ, тоже, видимо, заинтересованный сказкой, неохотно выползая на четверенькахъ изъ землянки.

Пламя костра метнулось-было въ сторону, кто-то подбросилъ еще охапку сучьевъ, и слушатели опять насторожились.

— Тутъ и говорить царь...—Разсказчикъ отшатнулся назадъ, и лицо его вышло изъ алой дрожащей полосы свѣта и перестало быть видимымъ. — Очень я васъ люблю, сыны мои, и никого изъ васъ не желаю обидѣть... А между прочимъ, я май вѣкъ съ вонцу

подходить, старъ я, чтобы править, и не знаю я, кому изъ васъ наследіе оставить... Вотъ какъ!...

— Ишь ты!...—вырвалось у кого-то изъ слушателей.

— Вотъ я и рѣшилъ,—говоритъ царь,—поступить такимъ манеромъ, чтобы увидѣть, кто изъ васъ разумнѣйшій, добрейшій и достойнѣйшій... У соседа нашего, короля, значить, иноземнаго, тоже три сына... Вотъ я и надумалъ послать ему письмо: такъ, молъ, и такъ, нечего намъ зря воевать да кровь человеческую проливать, посылай-ка лучше въ поле своихъ трехъ сыновей, да и я своихъ вышлю... Чья возьметъ?...

Рыжій сдѣлать паузу, но никто не пошевелился даже.

— Тутъ-то я и увижу,—это царь говоритъ,—кто изъ васъ со своими врагами какъ поступитъ...

— Ну, сыновья царевы говорятъ: «Ладно, слово отцовское—законъ... Давай сюда иноземныхъ королевичей, мы имъ уже проинищемъ!»

«Послали письмо королю-то и ждутъ отвѣта.

«Одначе тотъ тоже ничего,—не сгрусилъ...

«Присылай,—пишетъ,—царь, своихъ сыновей, мои ждутъ...»
И вотъ, ребята, три дня и три ночи ждать царь сыновей своихъ, что ушли съ иноземными королевичами сражаться, а на четвертое утро велѣлъ сѣдлатъ коня и самъ на поле къ нимъ поѣхалъ.

«Прѣхалъ царь въ поле и видитъ:—цѣлы его сыновья, стоятъ молодцами... Онъ—къ нимъ... Съ коня слѣзъ, на пенекъ присѣлъ и сравниваетъ старшаго:

— Ну, сыночекъ, говори, какъ съ врагомъ иноземнымъ поступилъ?»

«Старшій-то и отвѣчаетъ:

— Взялъ я, батюшка, мечъ булатный, прикрываюсь щитомъ кованымъ, вотъ онъ и готовъ!..

«Глядитъ царь: точно, лежитъ королевичъ на травѣ,—мечъ въ рукахъ, а голова отдѣльно валяется.

— Ладно,—говоритъ онъ,—ты человекъ рѣшительный, и рука у тебя вѣрная, будь же ты отнынѣ предводителемъ всѣхъ моихъ царскихъ дружинъ... Ну, а ты, дружокъ?—оборачивается онъ къ среднему.

«Средній-то словно оробѣлъ:

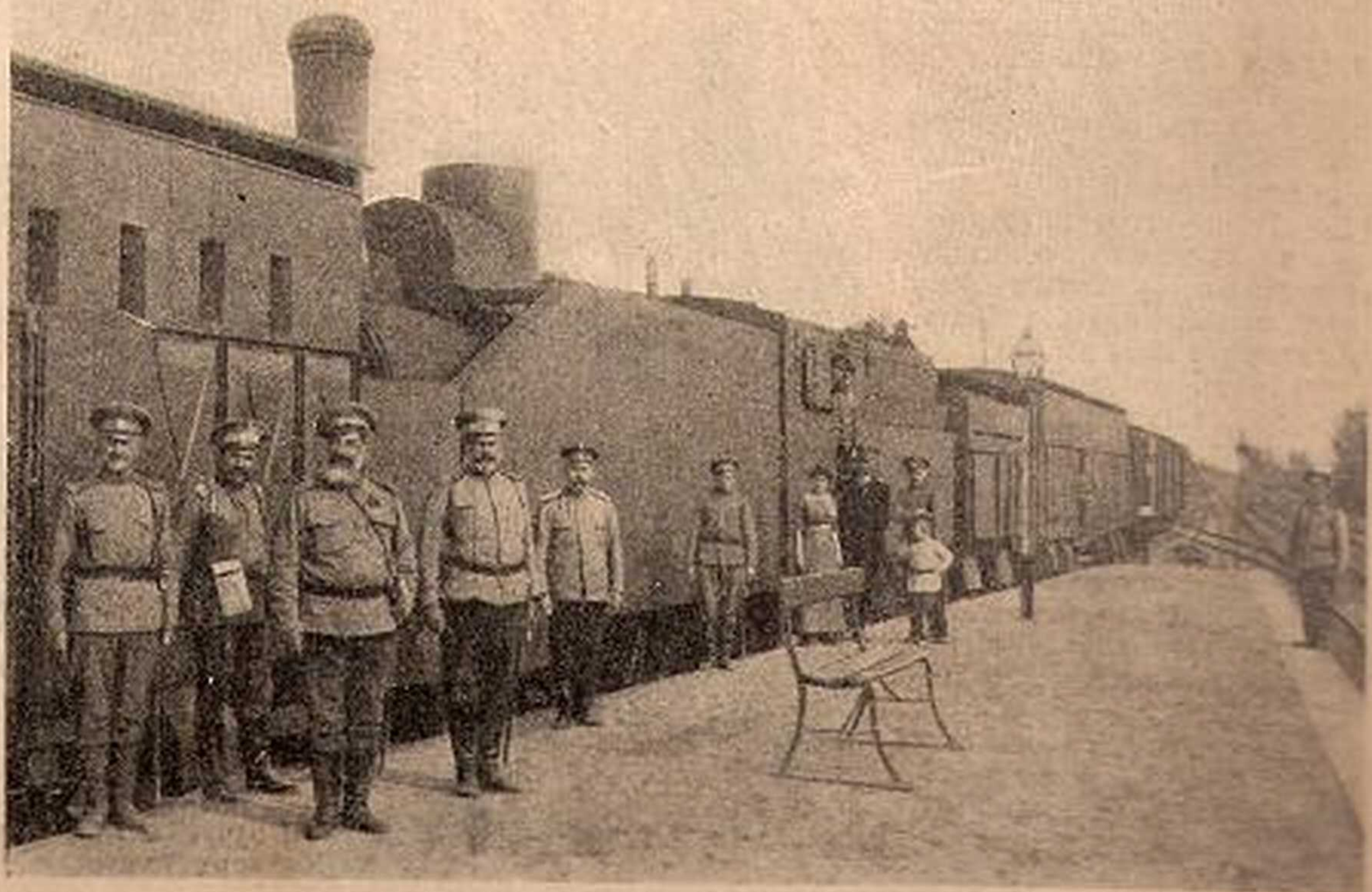
— Я, батюшка, вышелъ тоже съ мечомъ на врага, только не пришлось мнѣ кровь его пролить... Ужъ не гдѣвись, отецъ, живъ мой противникъ, забралъ я его живьемъ въ полонъ, безъ единой царапины!..

«И точно, стоитъ второй королевичъ, здоровъ-здоровешенекъ.

«Тутъ и просіялъ царь:

— Вотъ негнимо мудрый воинъ!—говоритъ.—Смотрите же всѣ на него, ибо онъ сумѣлъ и честь свою и мою поддержать и крови понапрасну не пролить...

«Воздали тутъ цареву сыну, среднему, великія почести.

Нашъ блиндированный обозъ, совершавшій на рижскомъ фронтѣ нѣсколько блестящихъ дѣлъ.

Третий же вышел вперед и говорит отцу:

— Ты, царь, меня напрасно позабыл, вот и мой противник без головы лежит. — я тоже не хуже старшего брата мечом влажду...

Нахмурился царь. Посмотрел на сына пристально.

— А почему же, — спрашивает, — безоружен враг твой?.. Почему меч его вонь где лежит, а колчань со стрелами вонь где?.. Разве не защищался он, как честный солдат?

Меньшой-то сын только засмущался:

— Куда там, батюшка, он сам оружие бросил, на колени передо мной упал и молил о пощаде, только нбг имь, басурманам, пощады от меня!..

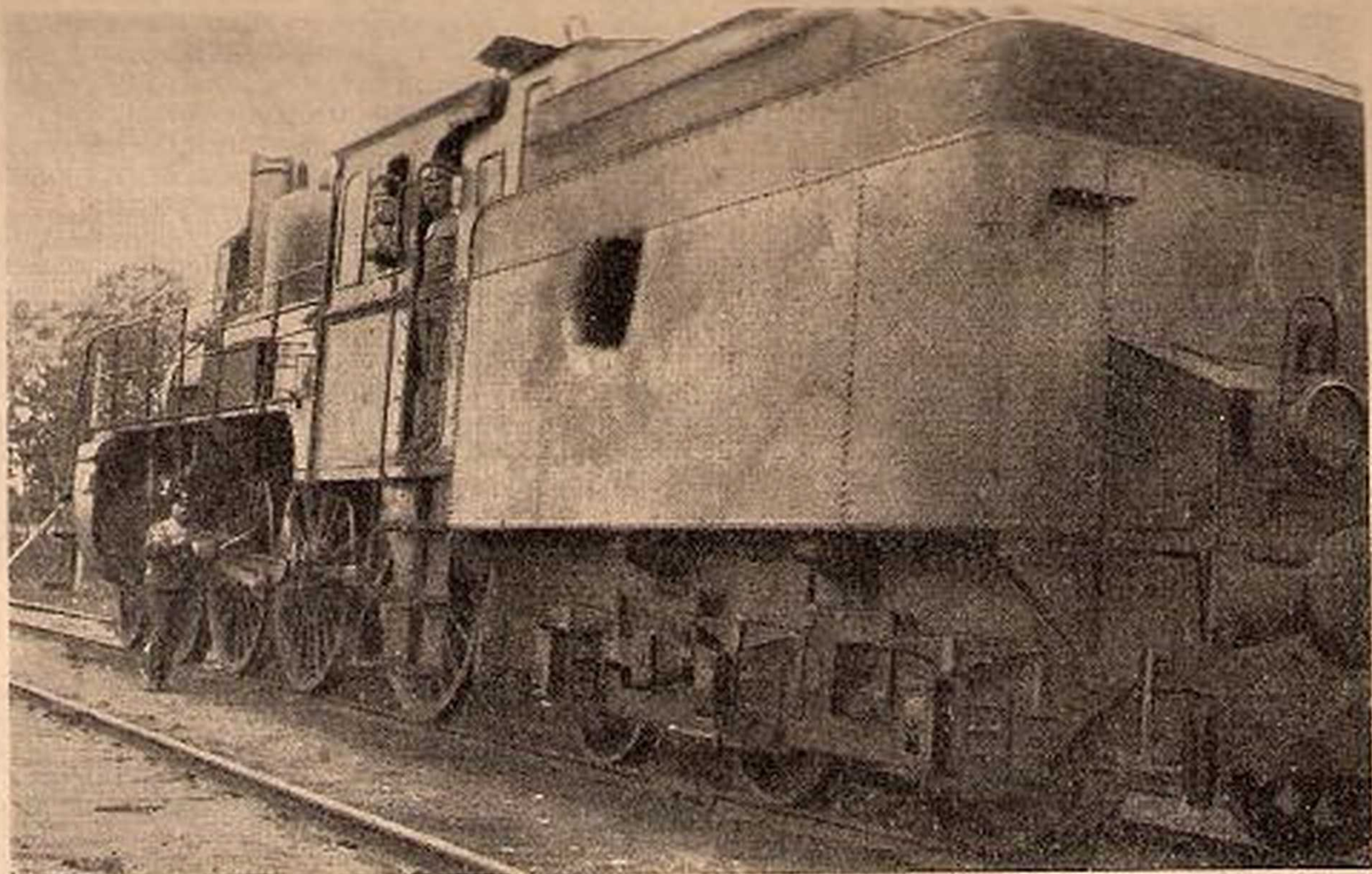
— Так он, значит, в полонь сдавался, — спросил царь, — а ты ему голову напрочь?.. Так, что ли?..

Царевич только кудрями тряхнул в ответ:

— Безпремьно так!.. — говорить.

Разсерчал тут царь:

— Будь же ты проклять, — говорит, — если рука твоя поднялась на безоружного и просящего пощады!.. Не сердце у тебя в груди, а камень, не достоин ты править страной, не хочу, чтобы подданные мои были несчастны с таким царем, как ты!..

На северном фронте. Поезд, в который во время пробьга его туда и обратно было выпущено немцами 98 тяжелых снарядов. Машинист, ничуть не смущаясь ураганным обстрелом, провель поезд и вернулся невредимым. Легко пострадал его „жельзньный конь“ — паровоз.

Раскричался старик, съел на коня и уьхаль обратно.

Такъ съ той поры въ томъ царствѣ царемъ и посаженъ средній царевъ сынъ, старшій — войскомъ весть начальствуеть, а младшій, тотъ, что плѣннаго добилъ, главнымъ палачомъ состоитъ и головы повинныя рубить!.. Вотъ и всей сказкѣ конецъ!..

Рыжій солдатъ кончить и опять, наклонившись вперед, сталъ видимымъ, словно сбросилъ маску тайственности.

— Хорошая сказка, — серьезно одобрилъ ополченецъ Шило, — умственная... чего и говорить!..

Тогда раздался голосъ кого-то, сидѣвшаго въ сторонѣ въ тѣни:

— Правильно... Справедливо рассудилъ царь!..

Но никто не отвѣтилъ. Вебъ задумались, кто о чемъ.

Костеръ догоралъ. Шило хотѣлъ-было подбросить хворосту, но раздумалъ.

— Ложитесь, что ли, будемъ?.. — спросилъ онъ.

— Известное дѣло, — отвѣтилъ голосъ изъ угла и добавилъ: — умственную сказку рыжій рассказалъ, молодчина!..

IV.

До завѣтной грани, до бруствера пѣмецкаго окопа, оставалось всего нѣсколько шаговъ!.. Шило напрягъ вебъ силы, продрался сквозь разорванную въ клочья проволоку заграждения, втиснулъ голову въ плечи, съ размаху хватилъ кого-то по головѣ прикладомъ и, не глядя на упавшаго, прыгнулъ впередъ.

Въ штыковомъ бою Шило терять душевное равновѣсе и превращался въ звѣря. Вебъ лишеныя двухъ лѣтъ, вебъ обиды, вебъ бессонныя ночи и вѣчныя опасности, — все это, казалось, выплывало въ его памяти и вопило къ мщенью, когда онъ видѣлъ близко знакомыя каски съ пиннаками и сѣрыя куртки.

Соскочивъ съ бруствера на дно окопа, Шило кинулся-было къ группѣ пѣмцевъ, возившихся около пулемета, который они старались вытащить, но какъ разъ въ эту минуту что-то огромное и страшно тяжелое обрушилось между нбмъ и нбмцами, блеснуло пламя, оглушительно лязгнула сталь, и цѣлая гора земли сбила Шило съ ногъ и на мгновенье лишила сознания.

Придя въ себя, Шило съ удивленіемъ почувствовалъ, что онъ цѣлъ и невредимъ и только немного отсталъ отъ товарищей, успѣвшихъ уже уйти впередъ.

„Эхъ, теперь догонять надо!“ И хотѣлъ выскочить изъ окопа и сбѣжить за своими, какъ вдругъ наткнулся на бѣжавшаго ему навстрѣчу молодого нбмца съ револьверомъ въ рукѣ и съхавшей на ухо каскѣ.

Была лишь одна минута зазѣмательства, нбмецъ выстрѣлилъ въ Шило, но промахнулся, а тотъ, съ налившимися кровью глазами, уже поднялъ надъ его головой прикладъ!.. „У-у, проклятый!“

И вдругъ случилось нѣчто совершенно неожиданное: лейтенантъ Оберкирхъ, увидя свой промахъ, сразу впалъ въ какое-то оцпепѣнье!.. Не было силы поднять опять руку и выстрѣлить вторично, мысль судорожно метнулась въ прошлое, мгновенно встали въ памяти картины прошлой веселой покинутой жизни, тетушка-хлопотунья съ тремя подбородками, подагрическойй старый дядя, потрясавшій кулаками и кричавшій: „пѣнныхъ не должно быть!..“

На северном фронте. Герой-машинистъ поезда, обстрѣляемаго неприятелемъ во время хода — въ пробойнѣ паровоза, образованной разорвавшимся вблизи тяжелымъ снарядомъ.

ВЪЧНАЯ ПАМЯТЬ

ВЪЧНАЯ СЛАВА

Капитанъ
В. М. Музалевскій.

Есауль
Л. А. Лытковъ.

Капитанъ
П. И. Янсонъ.

Штабсъ-капитанъ
П. С. Шешуковъ.

Поручикъ
Б. А. Пятунинъ.

Сотникъ
В. И. Снегиревъ.

Мичманъ
Г. Е. Ильтоновъ.

Подпоручикъ
В. Н. Муромцевъ.

Подпоручикъ
Б. Воробьевъ.

Подпоручикъ
В. В. Барановъ.

Подпоручикъ
А. В. Рихтеръ.

Корнетъ
В. А. Вонлярскій.

Прапорщикъ
И. Н. Пивоваровъ.

Прапорщикъ
А. Г. Покровскій.

Мичманъ
С. Ю. Зфросъ.

Прапорщикъ
К. Т. Тищенко.

Прапорщикъ
М. И. Маліевъ.

Прапорщикъ
П. С. Сидоревъ.

Прапорщикъ
П. В. Ульскій.

Прапорщикъ
В. М. Поповъ.

Прапорщикъ
А. И. Ивановъ.

Прапорщикъ
В. А. Корольковъ.

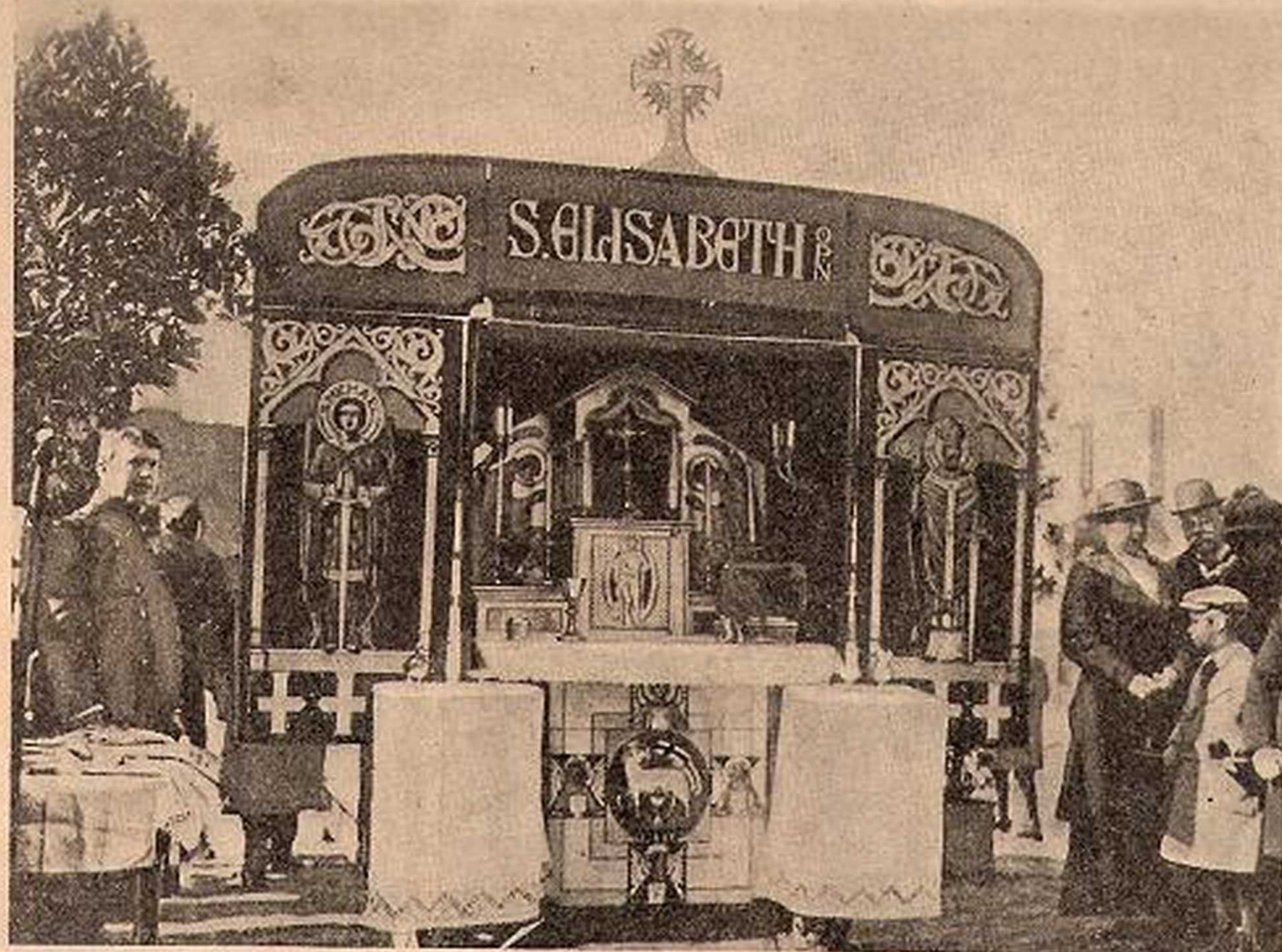
Прапорщикъ
Г. И. Веселовскій.

Прапорщикъ
В. Я. Беззубовъ.

Прапорщикъ
А. А. Волковъ.

Походная церковь въ автомобиль.

Церковь—имени св. Елизаветы—даръ антверпенскаго коммерсанта живущаго нынѣ въ Голландіи, королю Альберту для нуждъ бельгійской арміи. Внутренній видъ церкви во время богослуженія.

Всѣ отбросы можно раздѣлить на двѣ большія группы: на отбросы минеральнаго происхожденія и органическаго. Первые въ большинствѣ не горючи, вторые—всѣ горючи.

Ко вторымъ относится отбросовъ больше,—не говоря о кухонныхъ, одной только бумаги въ разныхъ видахъ за день накопится въ каждой семьѣ не мало: оберточная бумага отъ покупокъ, разныя коробки, замѣнившія теперь корзины изъ лучинокъ, въ которыхъ отпускались товары въ магазинахъ. Корзиночки эти давали прекрасныя растопки.

Для того, чтобы правильно судить о количествѣ потребляемой оберточной бумаги, не говоря уже о коробкахъ и проч., скажемъ, что оберточной бумаги было выдѣлано на русскихъ фабрикахъ за одинъ годъ 2.670.400 пудовъ на сумму въ 4.872.000 рублей^{*)}.

Цифра, какъ видите, почтенная, и если бы только половина бумаги не была потеряна совершенно, а обращена вновь, какъ использованный матеріалъ, на фабрики и по цѣнѣ въ десять разъ меньшей, то было бы сэкономлено 243.600 рублей.

Мы упомянули выше объ окуркахъ папирсовъ. Приведемъ теперь цифры ихъ потребления: гильзъ выдѣлано было въ 1908 г. 12.061.400 штукъ на 4.345.100 руб.; по самому характеру потребления, конечно, вся эта бумага сгораетъ, и сгораетъ ея на приличную сумму. Мундштучной бумаги производится 458.100 пудовъ на 1.745.100 рублей, и эта бумага тоже пропадаетъ почти вся (не вся

mundштучная бумага идетъ на папирсы, есть и другое потребленіе).

Бросая съ пренебреженіемъ окурки папирсовы, врядъ ли кто представляетъ себѣ, что, если бы собрать вагонъ этихъ окурковъ и продать ихъ за четверть стоимости, то получилось бы 950 рублей.

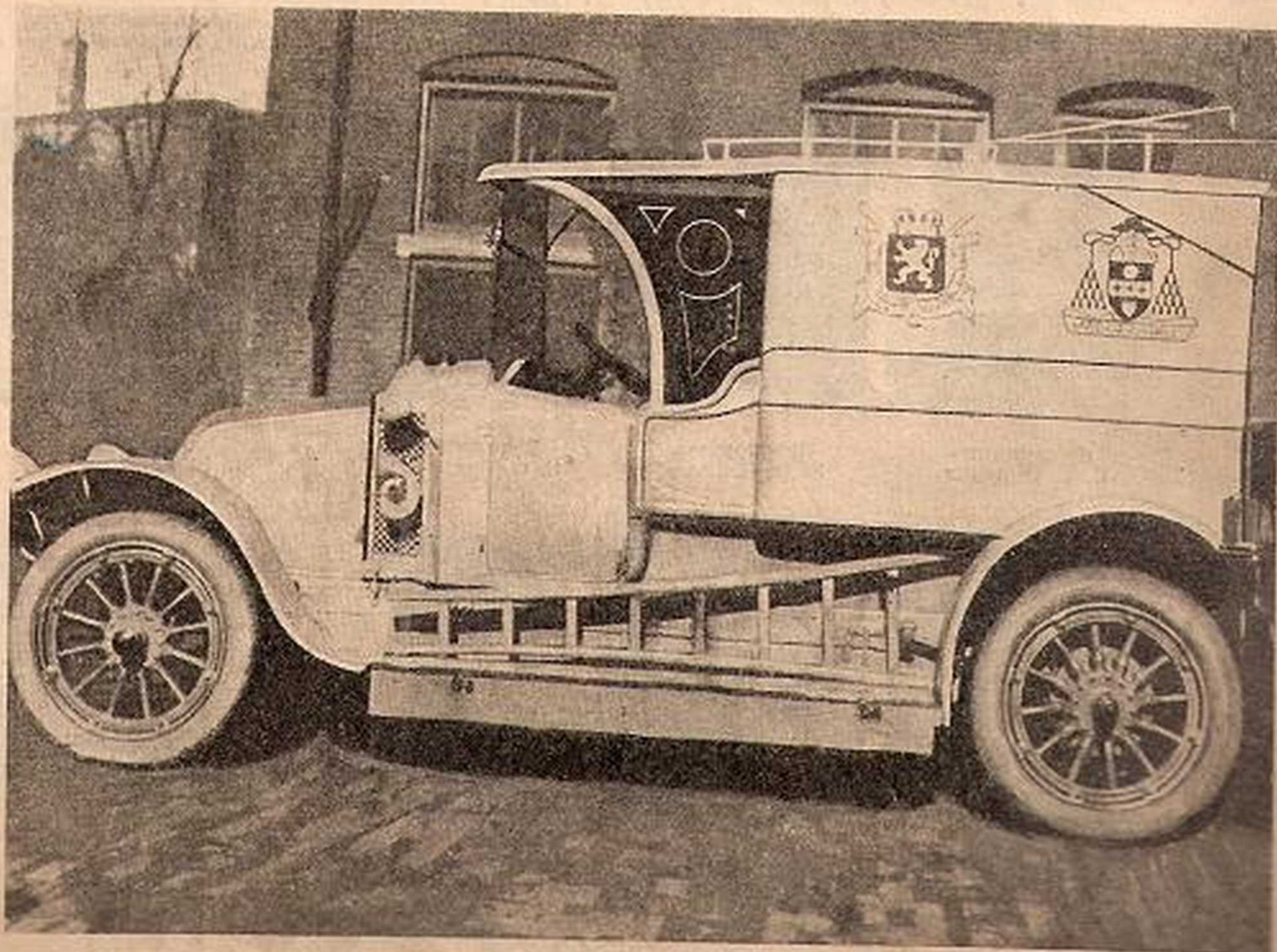
Не будемъ утомлять читателей дальнѣйшими расчетами, скажемъ лишь, что цифры пропадающихъ безвозвратно разныхъ отбросовъ органическаго происхожденія поистинѣ громадны.

Жаль, что пропадаютъ безъ пользы отбросы органическаго происхожденія, конечно, ездуетъ. Взять отъ вещи все, что можно, и воспользоваться ею послѣ выполненнаго ею прямого назначенія, конечно, должно, поскольку это возможно, но все же не такъ жаль этихъ отбросовъ, какъ отбросовъ неорганическаго происхожденія. Дѣло въ томъ, что главная масса вещества органическаго происхожденія это—углеродъ, кислородъ, водородъ и, въ некоторыхъ случаяхъ, азотъ.

Конечная судьба этихъ отбросовъ—распаденіе, посредствомъ сгорания или гніенія, на болѣе простые соединенія, какъ то: углекислый газъ, вода и азотистыя соединенія, т. е. аммиакъ, азотистая и азотная кислоты.

Эти простѣйшія соединенія въ природѣ не пропадутъ безслѣдно, они снова возвращаются въ атмосферу и въ почву, изъ которыхъ они и были получены растениями или животными. Пропадеть только трудъ, употребленный на ихъ изготовленіе.

Вещества, содержащія азотъ (шерсть, кожаныя вещи и обрѣзки, куски мяса, кости, обломки роговыхъ вещей), могли бы быть использованы полѣе, если ихъ не выбрасывать, а пере-

Походная церковь въ автомобиль. Внешній видъ. На кузовѣ автомобиля гербъ Бельгіи съ девизомъ: „L'union fait la force“ („Въ единеніи сила“) и подъ крестами надпись: „Apostolus Iesu Christi“.

*) Сводная эти почтенныя изъ оффиціальнаго издания министерства торговли, въ 1908 году, она относится только къ 1908 году, за дальнѣйшіе годы эти не опубликованы.

дѣлывать на химическихъ заводахъ. Наибѣтшая краска — берлинская лазурь получается при участіи азотистыхъ органическихъ веществъ; селитру, цианъ-калій и другія соединения ціана можно получить, обрабатывая тѣ же вещества, содержащія азотъ.

Но и не обработанные химически животные отбросы все же не пропадутъ безъ всякой пользы, а вновь вступятъ въ круговоротъ веществъ и вновь послужатъ для жизни.

Есть еще довольно цѣнный отбросъ, хотя азота и не содержащій, это — резина. Естественный источникъ ея — смола нѣкоторыхъ экзотическихъ растений, которыхъ становится все меньше и меньше, а нужда въ сырой резинѣ растетъ. Теперь работами русскихъ химиковъ мы будемъ получать свою резину изъ спирта.

Къ группѣ веществъ минеральнаго происхожденія относятся осколки каменной и вообще глиняной и фарфоровой посуды, различныя отбросы металлическихъ вещей, посуды, свинцовыя и оловячныя обертки чая, шоколада и проч.

Фарфоръ и другая глина особой цѣнности не представляютъ.

Разныя обломки произведеній керамики изъ обожженной глины могутъ быть смолоты и служить, какъ прибавка къ матеріалу, изъ котораго выдѣлываются новыя вещи, но и на керамическихъ фабрикахъ такихъ обломковъ достаточно, и нужды въ собираніи старыхъ нѣтъ.

Стекло же, напротивъ, всегда имѣетъ цѣну. Цѣлыя стеклянныя вещи вновь идутъ въ продажу, осколки и битое стекло могутъ быть переплавлены и поэтому охотно покупаются стеклянными заводами.

Есть даже небольшіе заводишки, которые не варятъ стекла изъ сырыхъ матеріаловъ, а только переплавляютъ битое стекло и выдѣлываютъ дешевыя мелкія вещи, какъ-то: чернильницы, мелкую дешевую посуду и проч.

Съ металлами, поступающими въ отбросъ, дѣло обстоитъ не такъ. Металлы, какъ известно, находятся въ различныхъ частяхъ земнаго шара, въ рѣдкихъ случаяхъ въ чистомъ видѣ, чаще въ видѣ рудъ, т.-е. въ соединеніи съ другими веществами, отъ которыхъ ихъ отдѣляютъ на металлургическихъ заводахъ и получаютъ въ видѣ слитковъ и дальнейшей обработкой обращаютъ въ тотъ видъ, въ которомъ они находятъ себѣ широкое примѣненіе.

Даже такъ называемые самородные металлы, т.-е. находясь въ

Походная церковь на нашемъ фронтѣ.

металлическомъ видѣ, а не въ видѣ земляныхъ соединеній или рудъ, — золото, серебро, мѣдь, платину и немногіе металлы, менѣе распространенные надо еще очищать, такъ какъ они заключаютъ въ себѣ тѣ же примѣси. Такъ, золото часто содержитъ въ себѣ серебро; иногда, наоборотъ, даже самородные металлы можно бы назвать рудами.

Въ жизни мы чаще всего встречаемся съ желѣзомъ: въ видѣ чугуна, стали или чистаго желѣза.

Теперь появились въ ряду самородныхъ очень рѣдкіе металлы, превосходящіе по цѣнѣ золото, — это иридій, танталъ, вольфрамъ и др. Металлы эти нужны намъ для освѣщенія. Тѣ тонкія нити, которые помѣщены въ электрическихъ лампочкахъ накалыванія, дающія свѣтъ, сдѣланы именно изъ этихъ рѣдкихъ металловъ.

Фунтъ такой нити стѣитъ около 8.000 рублей и имѣетъ длину около 80 километровъ. Его достаточно для выдѣлки 200.000 лампъ накалыванія. Очень много лампъ выбрасываютъ, не сознавая ихъ цѣнности.

Только малая часть драгоценныхъ металловъ снова попадаетъ въ дѣло, остальная совершенно распыляется.

Изъ массы интересныхъ цифръ приведемъ только немногія, касающіяся всего лишь двухъ металловъ — желѣза и золота.

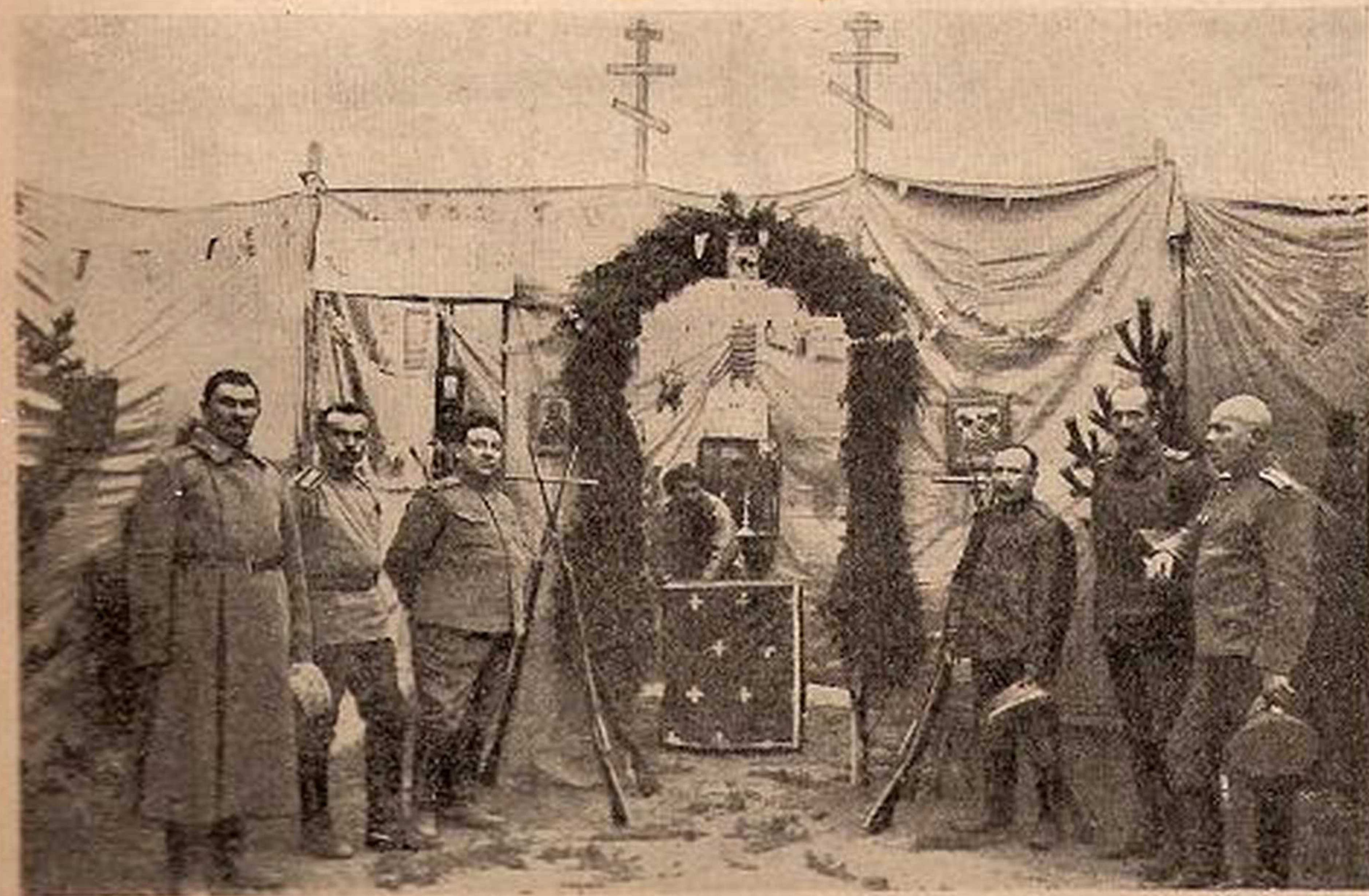
Всего добывается въ мірѣ желѣза и стали въ годъ, въ круглыхъ цифрахъ, свыше 3-хъ миллиардовъ пудовъ, въ томъ числѣ въ Россіи — около 230 миллионныхъ пудовъ. Вся эта масса желѣза идетъ на различныя издѣлія; за послѣдніе годы желѣзо стало замѣнять собою дерево въ строительномъ дѣлѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно имѣть нестерраемая постройки или покрывать большіе пролеты.

Желѣзныя дороги поглощаютъ также много желѣза, но и въ домашнемъ хозяйствѣ желѣзо въ большомъ ходу, правда, въ количествахъ, далеко уступающихъ расходу желѣза на перечисленныя выше нужды.

Желѣзо, идущее на домашнія надобности, почти во всѣхъ случаяхъ пропадаетъ какъ бы безслѣдно.

Однихъ только стальныхъ рельсовъ въ Россіи выдѣлывалось на сумму въ 359.000 рублей, — 1.443.000 грошево, т.-е. 196.792.000 штукъ, или на каждаго жителя въ Россіи по одному перу въ годъ.

Привозъ изъ-за границы опредѣлить нельзя, такъ какъ въ таможен-

Разборка походной церкви.

ных отчетах перья значатся не отдельно, а въ одной статьѣ съ чернильницами, облатками и пр. Перья, конечно, пропадаютъ безъ всякой пользы, а металл берется для ихъ выдѣлки довольно цѣнный.

Еще больше пропадаетъ игловокъ и булавокъ, затѣмъ стѣдуютъ крючки и пеглы, шпильки, которыхъ въ годъ выдѣлывается на 661.000 рублей. Всѣхъ ихъ—85.300 пуд., а съ иглками и булавокками всего около 100.000 пудовъ хорошей стали, которая ежегодно расплывается и не поступаетъ на передѣлку.

Судьба желѣзныхъ издѣлій (сюда же надо причислить чугунины и стальные, такъ какъ по химическому составу это тоже желѣзо, но съ примѣсью углерода и др. веществъ) чрезвычайно разнообразна и зависитъ главнымъ образомъ отъ ихъ размѣровъ и назначеній, напримеръ: стальные части часовъ сохраняются чуть ли не вѣками, то же самое и разныя изящныя вещи, металлическія пресс-панье, статуэтки, пенальницы и проч.—мелочь же теряется, посуда продырявляется и выбрасывается, а выброшенная ржавѣетъ, соединяясь съ кислородомъ воздуха, обращается снова въ ту руду, изъ которой была получена. Но образовавшаяся изъ вещей ржавчина разбѣивается, и собратъся въ такія массы, которыя могли бы эксплуатироваться, ей нѣтъ возможности.

Хотя матерія и не исчезла изъ мірового запаса, но для человѣка она пропала.

Такъ же пропадаетъ и значительная часть золота и серебра. Золотыя и серебряныя вещи стираются: кто не видаль у супруговъ ихъ обручальныхъ колецъ, истончившихся и потерявшихъ чуть ли не половину металла за долгую жизнь? Кому не встрѣчались старинныя старыя серебряныя ложки: онѣ тонки, края потеряли прежнюю форму, всѣхъ ихъ далеко не готъ, какой онѣ имѣли, выйдя изъ рукъ мастера. Куда дѣлись металлы, гдѣ ихъ искать? Золото не ржавѣетъ, но оно оседало на разныхъ вещахъ, съ которыми соприкасалось, обратилось въ мельчайшую пыль и исчезло для насъ. Врядъ ли ему собратъся вновь и еще разъ послужить для какихъ-либо цѣлей.

Золото и серебро, которыми были покрыты другіе металлы, т.-е. употребленные на позолоту и серебряніе, гибнутъ въ большей своей массѣ.

Но эти металлы слишкомъ дороги. Старыя золоченыя рамы, мебель, золотой соръ изъ мастерскихъ собираютъ и хлопотли-

Казнь шпіона.

выми операціями получаютъ изъ нихъ золото въ слиткахъ. Особенно это практикуется съ разными галунами, офицерскими эполетами и т. п., но это только малая часть того металла, который былъ употребленъ на позолоту. Между тѣмъ ежегодно изготовляется золото въ видѣ тончайшихъ листовъ, продающихся въ видѣ книжекъ небольшого формата, гдѣ листки золота положены между бумажными листками. Есть книжки съ золотыми листами цѣною въ тысячи и десятки тысячъ рублей: на каждую такую книжку уходитъ 10—20 и болѣе фунтовъ золота.

Олова, свинца и сплава изъ нихъ на выдѣлку капсюлей для бутылочекъ, листовъ для обертыванія шоколада, чая и проч. въ годъ производится 289.000 пудовъ на 1.379.500 рублей.

Всѣ эти деньги выметаютъ вмѣстѣ съ соромъ, и онѣ почти сполна выходятъ изъ обращенія, а какъ просто собрать ихъ и уменьшить

совершенно напрасную потерю нашего достоянія.

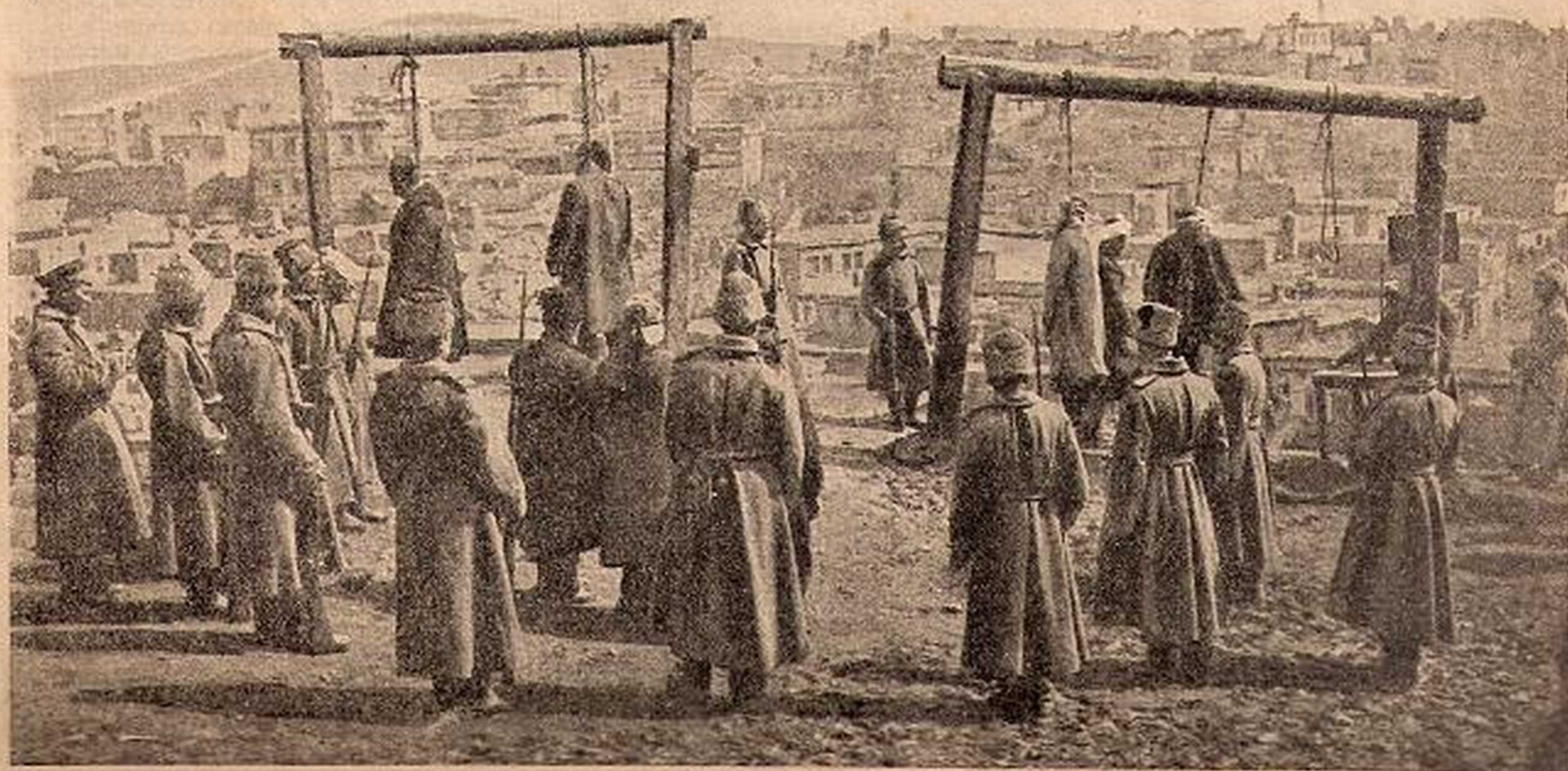
Прежде въ большихъ городахъ собраніе всякихъ отбросовъ производилось бѣдняками, которые ходили и выбирали изъ сорныхъ дворовыхъ ямъ годныя имъ вещи, теперь, съ введеніемъ канализаціи, вывозъ сора взяли на себя городскія управленія.

Раньше мусорщики продавали разобранные ими отбросы, жили на этотъ жалкій заработокъ, а теперь, къ сожалѣнію, многіе города, не сортируя, сжигаютъ въ особыхъ печахъ весь собранный соръ, а въ другихъ и этого не дѣлаютъ, а вывозятъ за городъ и сваливаютъ въ отведенныхъ мѣстахъ все, что было выброшено въ сорные ящики. Уже тамъ, на свалкахъ, роются бѣдняки, выбирая болѣе цѣнные отбросы, и продаютъ скучникамъ.

Во многихъ городахъ благотворительныя общества организовали сборъ по жилищамъ разныхъ негодныхъ вещей, но дѣло это поставлено не вездѣ хорошо и полно, а между прочимъ, оно могло бы давать недурныя деньги.

Многія семейства собираютъ часть отбросовъ, главнымъ образомъ олово, свинецъ и т. п.

Необходимо упорядочить такіе сборы, посылать по всѣмъ квартирамъ въ определенное время людей, которые бы забирали все ненужное, все, что теперь пропадаетъ безъ пользы, но для этого надо, чтобы всѣ прониклись сознаниемъ пользы, тогда охотно пойдутъ навстрѣчу сборщикамъ, а съ міру по ниткѣ—голому рубашка.

Казненныя шпіоны.

Румынская армия. Артиллерія.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Н. Шумокаго.

Выступление Румынии.

15-го августа произошло крупнейшее политическое и стратегическое событие — выступление Румынии. Сила союзников не только увеличилась болѣе чѣмъ 300-тысячной румынской арміей, но передъ союзной стратегіей открылся рядъ новыхъ важнейшихъ перспективъ какъ на Балканахъ, такъ и на австрийскомъ театрѣ.

Въ Румыніи около восьми милліоновъ населенія, и въ отношеніи численности населенія Румыніа является самымъ крупнымъ государствомъ на Балканахъ. Болгарія, Сербія и Греція насчитываютъ менѣе пяти милліоновъ населенія, а Европейская Турція, какъ извѣстно, послѣ балканскихъ войнъ потеряла изъ 147.000 квадратныхъ верстъ своихъ владѣній 124.000 квадратныхъ верстъ, и населеніе ея европейской части болѣе чѣмъ вполовину меньше населенія любого изъ другихъ балканскихъ государствъ, кромѣ Черногоріи.

Изъ изложеннаго можно видѣть, что на арену мировой войны выступило самое крупное изъ балканскихъ государствъ, населеніе котораго болѣе чѣмъ въ полтора раза превышаетъ населеніе каждаго изъ соседнихъ балканскихъ государствъ. Вполнѣ естественно,

Его Величество Фердинандъ I, король Румыніи.

что выступленіе самаго крупнаго балканскаго государства должно было прежде всего повліять на ходъ войны на балканскомъ театрѣ.

Хотя Румыніа начала съ того, что объявила войну Австро-Венгріи и сама получила въ отвѣтъ вызовъ Германіи, тѣмъ не менѣе изъ самой блѣдой стратегической оцѣнки можно было видѣть, что объектомъ операцій должна стать прежде всего Болгарія. Это видно изъ слѣдующаго:

Во-первыхъ, со стороны Австро-Венгріи Румыніа прикрыта трудно проходимыми дикими горными хребтами Трансильванскихъ Альпъ и лѣсистыхъ Карпатъ. Это само по себѣ затрудняетъ какія-либо столкновенія крупныхъ силъ на границѣ Трансильваніи и Румыніи, и если здѣсь и можно себѣ представить какія-нибудь столкновенія, то только такія, которыя явились бы результатомъ вступленія румынскихъ корпусовъ въ Трансильванію черезъ Буковину, т. е. совместныхъ дѣйствій рядомъ, плечо къ плечу, съ русскими войсками.

Съ другой стороны, не приходится доказывать, что Австро-Венгріа, послѣ двухъ погромовъ въ Галиціи, въ 1914 и 1916 годахъ, настолько обезземлена, что совершенно не въ состояніи предпринять какое-нибудь крупное наступленіе въ предѣлы Румыніи, а тѣмъ болѣе черезъ такіе трудно доступные районы, какъ Трансильванскія Альпы и лѣсистыя Карпаты.

Румынская армія. Пѣхота.

Однаково маловероятным представляется и вторжение румынских войск в Трансильванию в отдаленности от наших войск, т. е. на каком-либо другом, а не буковинском участке границы. Такая операция, также связанная с переходом через труднодоступные хребты, имела бы ту невыгодную сторону, что эти труднодоступные хребты слишком бы отрывали действующую в Трансильвании румынскую войска от их базы. Наконец румынам действительно необходимо было бы одновременно считаться с возможностью натиска болгар на болгаро-румынской границе.

Эта обстановка показывает, что Румыния, будучи как бы «застрахованной» со стороны австрийской границы, имеет возможность все свои силы направить против Болгарии. Конечно, австрийская граница не может быть оставлена без наблюдения, но такое наблюдение облегчается той оборонительной схемой, которую румынский

Румынские бой-скауты.

Румынская армия. Пехотинцы.

генеральный штаб подготовил в течение двадцативосьмидневного мирного периода.

Эта схема заключается в том, что румыны создали особый центр обороны Румынии, в виде укрепленного лагеря Букареста. От Букареста, который находится почти что в центре страны, расходятся ряд железных дорог к границам, причем к границе Австро-Венгрии подходят семь железных дорог, а сверх того, еще семь железных дорог лишь немного верст на 40—50, не доходя до границы Австро-Венгрии.

Эта схема прямо подсказывает расположение отдельной наблюдательной армии в букарестском укрепленном лагере, откуда должны быть высланы отдельные отряды ко всем проходящим, идущим в Трансильванию, для наблюдения за трансильванской границей. Такая «наблюдательная армия» не должна быть особенно велика, принимая во внимание, что вторжение австрийцев в пределы Румынии весьма маловероятно, ввиду труднодоступности границы, а также и значительного ослабления вооруженных сил Австро-Венгрии.

Отсюда видно, что, за исключением некоторой небольшой наблюдательной армии, предназначенной для охраны австрийского фронта, Румыния имеет полную возможность выдвинуть почти все свои силы для операций против болгар. Болгарам, в свою очередь, так же, как и румынам, необходимо обороняться на два фронта — македонский и русско-румынский, но условия борьбы болгар на два фронта во много раз тяжелее условий борьбы румын на два фронта.

В то время, как у румын одного противника — Австрию — как бы не существует, и они имеют возможность почти все силы сосредоточить на одном болгарском фронте, — у болгар оба фронта представляются одинаково весьма серьезными. Русско-румынский фронт и македонский фронт требуют одновременно чрезмерного напряжения от 300-тысячной болгарской армии.

Между тем уже одна длина этих фронтов должна приводить в смущение болгарский генеральный штаб. Длина румынской границы около 525 верст, длина же македонского фронта свыше 225 верст, что дает в общем фронт, на котором приходится обороняться болгарам, длиной в 750 верст. Однако приблизительно такой же длины и весь англо-французский фронт.

Из этого можно усмотреть, что болгарам с их 300-тысячной армией приходится оборонять, примерно, такой же длины фронт, какой обороняют миллионные армии французов. Вполне понятно, насколько такая задача представляется трудной. К этому надо добавить, что 750 верст болгарского фронта представляют собою два совершенно отдельных участка, русско-румынский и македонский, при чем эти участки разделены между собою более чем 500 верстами разстояния.

Это должно еще более затруднить оборону для болгар обоих фронтов, тем более, что русско-румынский фронт и македо-

ский фронт соединены у болгар лишь двумя желтыми дорогами, вдобавок пересекающими горный хребет — Балканы и к тому же еще идущими вкруговую либо через Сербию, либо через турецкую территорию.

Таким образом для болгар создаются чрезвычайно стратегические затруднения, и им, как и всякой армии, дерущейся на два фронта, приходится стремиться к непосильной задаче — достигнуть быстрой и решительной победы над одним из противников. Таким противником не могут быть войска, находящаяся на русско-румынской границе, ибо, естественно, здесь никакая быстрая и решительная победа не может дать окончательных результатов.

Остается следовательно македонский фронт, где болгары действительно еще за неделю до выступления Румынии обнаружили стремление справиться с армией Сарайля, для чего и сосредоточили здесь значительные силы — большую часть тех сил, которыми располагает Болгария. В течение более недель болгары вели стремительные атаки на македонскую армию Сарайля, но успеха не достигли.

Армия Сарайля заняла строго оборонительное положение на своем правом крыле и в центре, а на левом крыле вела активную оборону, наступая от сильных позиций, занимаемых у озера Острого. К этому критическому моменту генерал Сарайль занял и прочно укрывшись сильнейшую позицию, правое крыло которой упиралось в реку Струму, центр имела опорный пункт в виде озера Дойрана, а левое крыло имело опорный пункт в виде озера Острого. Через эти три района проходила ряд горных позиций, при чем правое крыло и центр были заняты англо-французами, а левое крыло сербскими войсками.

Болгары после безуспешных атак на правое крыло армии Сарайля ограничились тем, что заняли ту часть греческой тер-

ритории, на которой не было союзных войск. Затем далее в центр союзники, занявшие станцию Дойран и ряд укрепленных деревень, подошли к хребту Белень. Наконец на левом крыле сербских войск, опираясь на широкое и глубокое озеро Острого, обили наступление трех болгарских дивизий и сверх того сами еще продвинулись в одном из районов, а именно в район реки Могленцы.

Таким образом союзная англо-французская и сербская войска не только прочно занимали позиции, но еще овладели некоторыми важными пунктами, как станцией Дойран и участком реки Струмы, и стало ясно, что болгары, во всяком случае, уже не могут рассчитывать справиться с армией Сарайля до того момента, когда обозначится выступление Румынии. Это означало, что болгарам придется перевести часть войск на русско-румынскую границу, чтобы перейти здесь к такой же безнадежной обороне, какую они вели на македонском фронте, при чем на македонском фронте, естественно, положение должно было ухудшиться настолько, что открывались перспективы для перехода в наступление и армии Сарайля.

Между тем на русско-румынском фронте непосредственно под ударами оказывались важный болгарский порт и крепость Варна, укрепленный Русчук, Никополь, Систово и Видинь. Из этих пунктов наиболее важным был укрепленный район Варны, через который лежала одна из лучших дорог в Константинополь.

Сводя вышесказанное, можно видеть, что выступление Румынии, в виду ее выгодного географического положения, открыло важнейшие стратегические перспективы, где прежде всего выделяется Константинополь, как та политическая и стратегическая цель, к которой придут русско-румынские войска после «карательной экспедиции» через неблагоприятную Болгарию.

Мать Стефана Непобедимаго.

(Румынское предание XIV века).

I.

Набѣжали вороги лихѣ,
Царства рушатъ хищные османы;
Много ранъ землѣ Стефана-князя
Нанесли ихъ сабли-ятаганы.
По Балканамъ кровь бѣжить ручьями,
Багрянютъ заводи Дуная,—
До ущелий Татръ, до скаль лѣсистыхъ
Доплеснула кровь румынъ родная..
То не клѣкотъ слышится орлиной,
Не слетѣлъ къ вороною стаду крохотъ..
Господарь Стефанъ кличъ княжий кликнулъ,
На враговъ свои дружины мечеть..
Въ пятьдесятъ боевъ водилъ войска онъ,
Славу славъ каликой-перехожимъ
И на Русь, и въ Польшу, и къ маляраманъ,
И къ богатымъ венецейскимъ лажамъ.
До ущелий Татръ, въ крови купающъ,
Полумѣсяцъ донесли османы;
Вѣютъ ихъ зеленая знамена,
Раздвигая Магомета станы;
Все растетъ ихъ сила, свирѣпѣя..
Бой идетъ неравный на равнинахъ;
Смотрятъ съ башни замковой на битву
Мать съ женой—Стефановой княгини.
Храбро бьется господарь съ врагами
Кровь багрить и топить цвѣтъ долины;
Все тѣснѣе кольцо османовъ лютыхъ
Вкругъ родной Стефановой дружины.
Длится бой, а наиземь вечеръ сходится,
Поле битвы кроется туманомъ;
Не видать княгиня съ вышки замка,
Что-то съ княземъ, что-то съ ихъ Стефаномъ,
Конский топотъ по горѣ... Все ближе..
У воротъ остановился кто-то..
„Это онъ, Стефанъ мой, господарь мой!
Дай—пойду открыть ему ворота!“
Не пустила мать жену-княгиню,
Близъ сама спустилась: „Кто стучится?“
„Это я, твой сынъ... Открой, родная!
По пятамъ за мной погоня мчится...“
„Сынъ?! Не лги, невѣдомый пришелецъ!
Сынъ мой—тамъ, за честь отчины бьется;
Отразивъ враговъ родного края,

Онъ съ побѣдой къ матери вернется,
Прочь бѣглець!“

За каменной стѣной,
Темень ночи стономъ пробуждая,
Князь Стефанъ съ горы назадъ поминался,
На враговъ невзгоду накликался.
Огласилъ ущелья звукъ призванный,
Позабыли раненные раны,
Кто бѣжалъ отъ воровъ—ко князю,
Къ господарю кинулись къ Стефану.
Глуше, дальше гудѣлъ конский топотъ
Отъ гнѣзда Стефановой твердыни..
Загорѣлись очи у старухи,
Сердце мреть у молодой княгини..
Долго ждали,—забѣлѣлъ край неба,
Робко вышла зорька изъ тумана;
Вдругъ—опять, все ближе, все звончѣе,
Трубный звукъ несетъ съ вражьихъ станъ.
„Это онъ!“—воскликнула княгиня;
„Это онъ!“—сказала мать сѣдая,
Выбивая изъ воротъ засовы,
Настежь ихъ поспѣшно отворяя..
Звонъ подковъ, призвъ роговъ побѣдныхъ..
Солнце всплыло, первыми лучами
Озаривъ крестъ Божій надъ соборомъ,
Въ княжьемъ замкѣ съ крѣпкими стѣнами..
Влетѣлъ князь въ чель своей дружины,
Слѣзъ съ коня, припалъ къ ногамъ родимой.
„Здравствуй, сынъ мой!“—мать его встрѣчаетъ..
„Здравствуй, мой Стефанъ Непобѣдимый!“

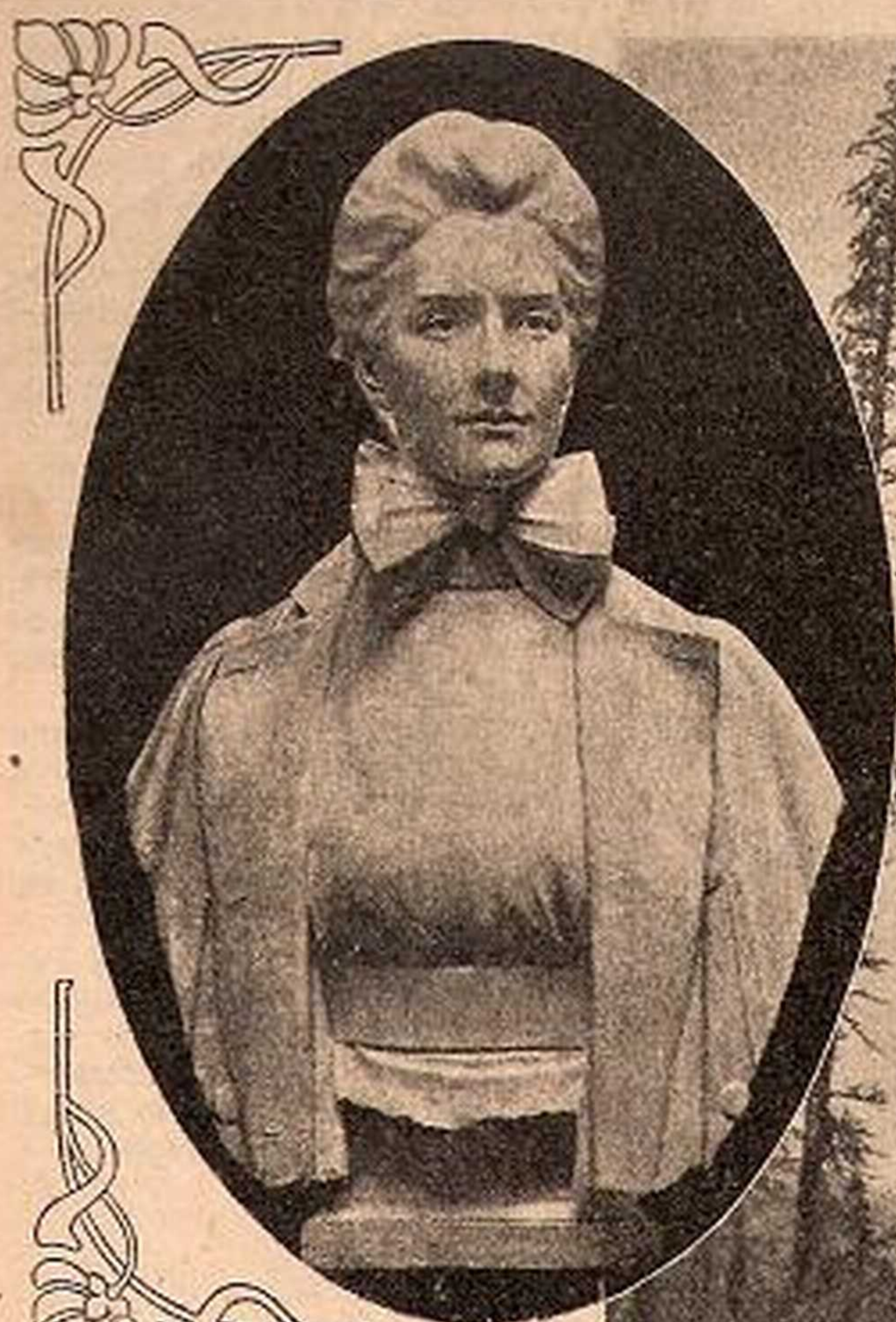
II.

Шли вѣка,—народъ Стефана-князя
Воленъ былъ и рабства зналъ невзгоду..
Въ наши дни Стефановъ мечъ онъ поднималъ
За сыновъ отторгнутыхъ свободу.
Въ наши дни—съ бойцами Правды свѣтлой
Онъ сплотить рѣшилъ свои дружины..
Слава-честь борцамъ народной воли!
Исполать вамъ, храбрые румыны!
Ваша мать, Молдавия сѣдая,
Съ высоты вѣковъ несокрушимой
Шлетъ вамъ вслѣдъ свои благословенья,
Шлетъ ихъ съ ней Стефанъ Непобѣдимый.

Аполлонъ Коринфскій.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Волны атаки.—Царены дѣти. Рассказъ Вадима Бѣлова.—Похоронный маршъ. Стихотвореніе Алексѣя Ливадскаго.—Распыленіе Коринфскаго.—Вѣчная память Эдитъ Кабелъ.—Заявленіе.—Объявленія.—Отклики поэмы.—Выступление Румынии. (Политическое обозрѣніе). РИСУНКИ: Другъ или врагъ?—Волны атаки. Рисунокъ Андре Деванбеса.—Среди латышскихъ стрѣлковъ (3 рис.).—Бронированный автомобиль лавкавказской военной дивизіи.—Нашъ блиндированный потягъ, совершившій на рижскомъ фронтѣ вѣсколько блестящихъ дѣлъ.—На сѣверномъ фронтѣ (2 рис.).—Павшій въ бою.—Походная церковь въ автомобиль для бельгийской арміи (2 рис.).—Походная церковь на нашемъ фронтѣ (2 рис.).—Казнь шпіоновъ (2 рис.).—Его Величество Фердинандъ I, король Румыніи.—Румынская армія (2 рис.).—Румынскіе бой-скауты.—Бюстъ Эдитъ Кабелъ.—Гора Кабелъ въ Сѣверной Напладѣ, названная въ честь сестры-мученицы.—Преморожаемые проспекты памятникъ павшимъ воинамъ (3 рис.).

Эдит Кавель.
Бюст работы
Джорджа Фрамптона.

Вѣчная память Эдит Кавель.

Въ прошломъ году нѣмцы совершили одно изъ своихъ, къ сожалѣнью, уже обычныхъ преступленій надъ мирнымъ населеніемъ: въ Брюссель ими была казнена, вѣрнѣе, просто убита англійская сестра милосердія, Эдитъ Кавель. „виноватая“ въ томъ, что давала приютъ и пропитаніе бельгійскимъ и англійскимъ бѣглецамъ. Казнь знаменитой филантропки въ свое время взволновала весь культурный міръ и вызвала всеобщій моральный протестъ, будучи трактована вездѣ и всюду, какъ позорное убійство безоружной женщины-христіанки.

Прошелъ годъ. Нѣмцы успѣли совершить за это время еще нѣсколько вопиющихъ нарушеній международного и общечеловѣческаго права, но преступленіе, совершенное надъ миссъ Кавель, такъ больно оскорбило человѣческую совѣсть, такъ возмутило ее, что никакія послѣдовавшія затѣмъ событія не могли вытѣснить образъ замученной англичанки изъ памяти человѣчества.

И вотъ теперь, когда для переживаемой человѣчествомъ страшной эпохи уже настаетъ періодъ исторіи, возникъ вопросъ объ увѣковѣченіи героевъ и жертвъ общеевропейской войны. Этотъ вопросъ поднять во Франціи, гдѣ хотятъ учредить особый національный ежегодный праздникъ—помяновеніе павшихъ; возникаетъ онъ и въ другихъ странахъ. И на ряду съ сотнями тысячъ безвѣстныхъ героевъ вспоминаются герои, чьи имена хотѣлось бы увѣковѣчить особо. Хотѣлось бы, чтобы ихъ имена жили въ новомъ воплощеніи или въ новыхъ воспріятіяхъ.

Оригинально и красиво разрѣшить этотъ вопросъ въ Канадѣ по отношенію къ сестрѣ-мученицѣ Эдитъ Кавель. Тамъ назвали ее именемъ гору пикъ Гейки, одно изъ самыхъ красивыхъ мѣстъ Канады.

Гора Кавель находится вблизи сѣверной Канадской дороги,

Гора Кавель, въ Сѣверной Канадѣ (высочайшая вершина—11.020 футовъ), названная въ память сестры-мученицы.

въ провинціи Альберта, въ 14 миляхъ отъ г. Джасперъ и въ 5 миляхъ отъ р. Атабаска. Высота горы—11.020 футовъ.

Осеянная небомъ, сверкаетъ своей дѣвственно-чистой снѣжной вершиной эта гора. Она уходитъ далеко ввысь, „подалеке отъ грѣшной земли“, и словно стоитъ на молитвѣ за грѣшное человечество.

Евангеліе говоритъ намъ о свѣтильникахъ, которые стоятъ на горахъ. Имя Эдитъ Кавель—такой свѣтильникъ. Свѣтъ его озаряетъ все человечество, напоминая о подвигѣ безкорыстной любви къ человечеству. И свѣтильникъ этотъ отнынѣ свѣтитъ на горѣ Кавель.

Какой красивый символъ и какой величественный памятникъ заключены въ этомъ образѣ увѣковѣченія памяти Эдитъ Кавель! Памятникъ, поставленный самою природою,—быть-можетъ, красивѣйшій и несомнѣнно величественнѣйшій изъ всехъ памятниковъ, какіе когда-либо были посвящены земнымъ героямъ.

Небывалая по своимъ размѣрамъ и своему величю война требуетъ и памятниковъ небывалыхъ. Именами героевъ переживаемой героической эпохи отнынѣ будутъ называться горы, рѣки, озера, быть-можетъ, цѣлая страна...

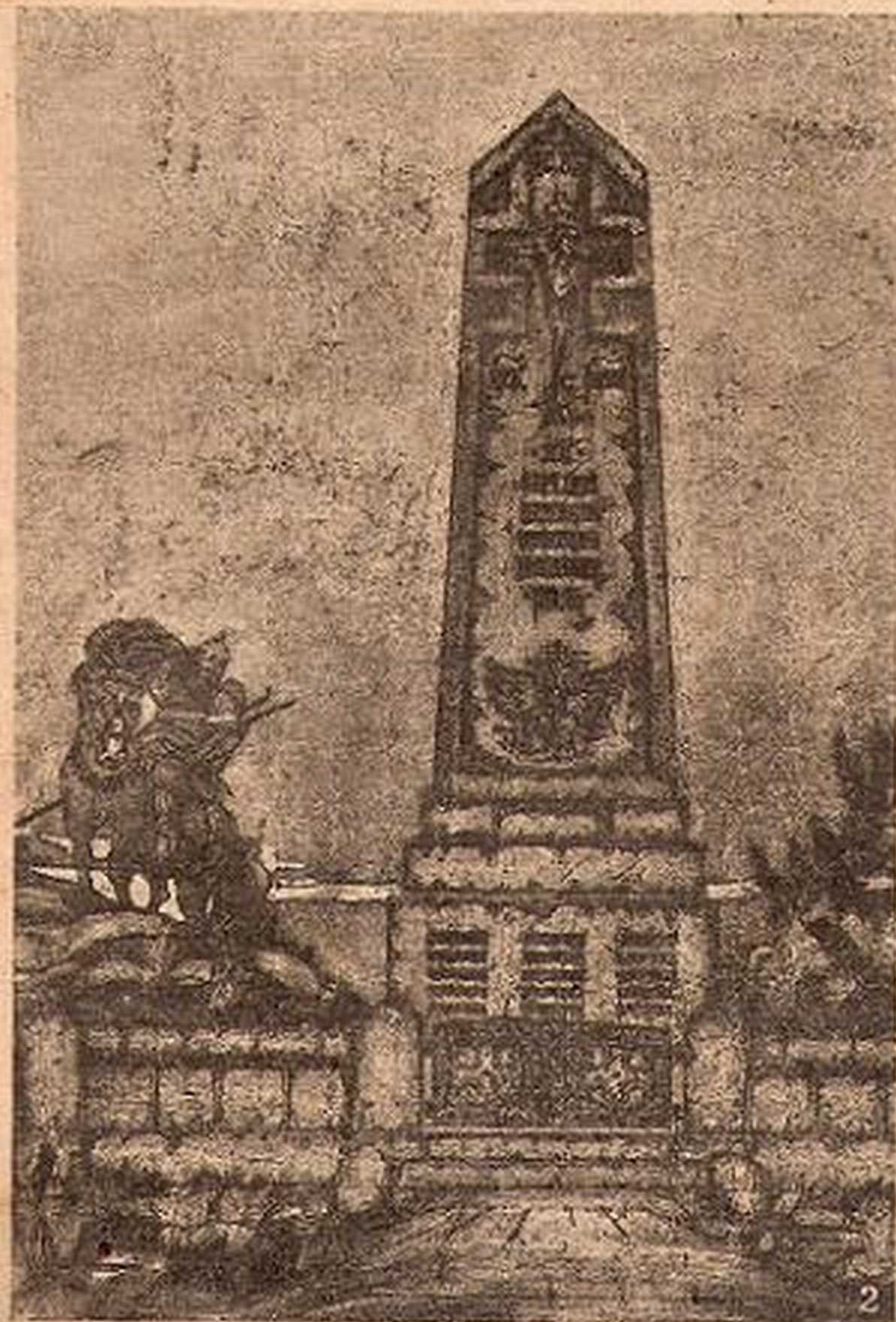
Сила английской техники. По дорогам тянутся длинные, бесконечные вереницы английских грузовых автомобилей, так называемые «оттисы». Они, должно быть, сильно интригуют германских летчиков, кружащих на высоте 2.000—2.500 метров (ниже они не решаются спуститься, так как англичане предусмотрительно разставили вдоль дорог свои «anti-aircraft guns», т. е. пушки, предназначенные для стрельбы по аэропланам). Так описывает корреспондент «Киевской Мысли» картину английского снабжения на западном фронте, во Франции.

Чего-чего только нет в этих обозах, которых никогда еще на протяжении своей многовековой истории не видели эти обсаженные телятами дороги! Тут и замороженное мясо из Австралии, и табак из Виргинии, и огромные круги честерского сыра, и склады чая, шоколада, мармелада, всевозможных варений и печений — и, уж разумеется, снаряды, снаряды, снаряды.

На грузовиках сидят, без курток, с обязательно засученными выше локтя рукавами (засученные рукава — характерная деталь английского рабочего костюма), сухомарие, музыкальные седланы и, флегматично посягая на грубую, называют «Прегару» или популярную шотландскую и в с е н к у «Анни Ланг».

На оставовгахъ

идет генеральная чистка. Все возмущается трамками, чистят, сребрут, натерают, точно как автомобили должны завтра фигурировать на выставке. Так оно, приблизительно, и есть: чтобы поощрить усердие солдат, английская военная власть ввела особые конкурсы. Ежегодно, в определенные дни, производится смотр автомобилей, и те, у кого мотор так начистен, что можно провести по нему рукой в белой перчатке, но испачкав ее, получают премию в 10 шиллингов. Государство экономит, благодаря такой системе, тысячи фунтов стерлингов на потинках.

Павшимъ воинамъ.

Проекты памятниковъ, награжденные преміями на конкурсѣ. 1. Проектъ Б. Данчича (2-я премія). 2. Проектъ Соколова (1-я премія). 3. Проектъ Н. Ахтымова (3-я премія).

Большинство этихъ огромныхъ вагоновъ-автомобилей до войны играло роль передвижныхъ лавочекъ. Крупные фирмы развозили в нихъ товары по деревнямъ, в Англію, Шотландію, Ирландію, даже в далекихъ колоніяхъ. Изъ которыхъ изъ нихъ и теперь еще хранятъ соотвѣствующія надписи; на другихъ они заказаны краской, и поверхъ нихъ красуются новыя, придуманныя солдатами. Большею частью этия тяжелыя, ноукискима фургоны датируются, ласкательныя имена: «Betty», «Froggie», «Coquette».

Автомобильная прислуга составляетъ особую огромную армию и находится на привилегированномъ положеніи. Шоферы получаютъ до 6 шиллинговъ (около 3 рублей) въ день.

Проектъ памятника войны. Одинъ изъ провинціальныхъ скульпторовъ представилъ въ Академію Художествъ проектъ памятника, который, по мысли автора, долженъ быть поставленъ въ память нынѣшней войны.

По проекту памятникъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: на кругломъ гранитномъ пьедесталѣ возмывається какъ бы второй небольшой пьедесталъ; на этомъ второмъ пьедесталѣ стоятъ вертикально соединенныя въ одну связъ двѣ пушки и двѣ фабричныя трубы, перевязанныя лавровыми и дубовыми гирляндами. Изъ этой связи поднимается мачта съ національнымъ трехцвѣтнымъ эмалевымъ флагомъ, изъ которой, съ одной стороны значится надпись: «Благодарность», а съ другой — «Слава».

Вокругъ этой связи, держа тѣсно другъ друга за руки, стоятъ 8 фигуръ въ національныхъ костюмахъ: великороссъ, малороссъ, полякъ, латышь, казакскій горецъ, казанскій татаринъ, буряты и еврей. По карнизу нижняго пьедестала тянется внизъ надпись: «Въ братскомъ единеніи — несокрушимая сила».

На лицевой сторонѣ пьедестала изображенъ государственный гербъ, двуглавый орелъ, который покоится на арматурѣ изъ военного снаряженія и орудій мирнаго труда. По бокамъ орла даты «1914 годъ» и годъ окончанія войны.

На оборотной сторонѣ пьедестала надпись: «Благодарная Россія — своимъ сынамъ за кровь, за раны, за слѣды, за труды и за побѣды». Подъ этой надписью вата изъ жалованныхъ грамотъ царей Алексія Михайловича и Феодора Алексѣевича слободскимъ казакамъ, отбывавшимъ воеванія въ Россію отъ бывшихъ враговъ — крымскихъ татаръ.

